

Библиотека Российской академии наук

В.П. ЛЕОНОВ

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
МЫШЛЕНИЕ**

*На пути к единству
книжного мира*

Санкт-Петербург
2018

УДК 01+159.922.4

ББК 78.5+88.54

Л47

Рецензенты:

М.Ю. Неццет – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе РГБ,

О.Н. Ильина – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела редких книг РНБ

Леонов В.П.

Библиографическое мышление. На пути к единству книжного мира / В.П. Леонов ; Библиотека РАН. – Санкт-Петербург : БАН, 2018. – 118 с. – ISBN 978-5-336-00241-6 (в пер.).

В книге обсуждаются актуальные теоретические вопросы о роли и месте психологии в изучении библиографических процессов, о специфике библиографического мышления, о логике и интуиции в библиографическом анализе текстов и поиске информации. Практическая значимость обусловлена тем, что процессы глобализации библиографической деятельности и библиографического образования в условиях этнокультурного многообразия диктуют необходимость обновления научной основы изучения и исследования библиографии, а также ее преподавания. Читателю предлагается одна из первых попыток репрезентации специфики библиографического мышления в этнокультурной доминанте.

Для специалистов гуманитарных дисциплин, библиографов, библиотековедов, книговедов, а также студентов, аспирантов – будущих специалистов книжного дела.

ISBN 978-5-336-00241-6

© Леонов В.П., 2018

© Библиотека Российской академии наук, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Библиограф как творческая личность	7
1. Библиографическое мышление как процесс	14
1.1. Библиография, мышление, язык	14
1.2. Библиографическое мышление и текст.....	25
1.3. Логические и интуитивные механизмы библиографического мышления	33
1.4. О поэтико-библиографическом словаре.....	45
2. Библиографическое мышление в этнокультурной доминанте	51
2.1. Библиографическое мышление как ментальный ресурс народа	51
2.2. Опыт репрезентации национального в западноевропейской библиографии.....	57
2.3. Источники репрезентации национального в этнокультурной доминанте России.....	65
Вместо заключения. Библиографическое мышление как предмет изучения	89
Приложения	95
1. О континуальном мышлении (читая В.В. Налимова)	95
2. О библиографических способностях и мышлении Конрада Гесснера (читая «Bibliotheca Universalis»).....	100
3. О доминанте и интуиции совести (читая А.А. Ухтомского)	110
Именной указатель	113

*Выразить словом то, что понимаешь,
так, чтобы другой понял тебя, как ты
сам – дело самое трудное; и всегда чув-
ствуешь, что далеко, далеко не достиг
того, что должно и можно.*

Из дневника Л.Н. Толстого*

---

* *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Сер. 2. Дневники.
Т. 51. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952. С. 34.

ВВЕДЕНИЕ

Библиограф как творческая личность

Проблемы, обозначенные во введении настоящей книги, привлекают мое внимание с тех пор, когда основательно занялся изучением понятия и процессов библиографической деятельности и пришел к выводу, что в библиографии можно найти и вызов, и дерзание приключений, и озарение, и вдохновение искусства¹. Легко представить себе, насколько скучным было бы занятие библиографией, если бы эти стимулы утратили свое значение.

Помимо объема профессионального знания, полученного в процессе образования, библиограф работает на основе предчувствий, догадок и прецедентов. Значительные находки («раскопки») никогда не бывают чисто логическими, многое зависит от интуиции и эстетического критерия. В каждом решении есть своя красота. Параллельно читая литературу о рождении музыки, об искусстве поэзии, я все больше убеждался, что между библиографией и музыкой, библиографией и поэзией как процессами творчества существует глубинная связь.

---

¹ Леонов В.П.: 1) Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций. СПб.: БАН, 1995. 139 с.; 2) Пространство библиотеки: библ. симфония. М.: Наука, 2003. 123 с.; 3) Библиография как профессия. М.: Наука, 2005. 128 с.; 4) *Vésame tucho*: путешествие в мир книги, библиографии и библиофильства. М.: Наука, 2008. 268 с.; 5) Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Изд-во «Европ. Дом», 2017. 228 с.

Эта связь выражается в мыслительных процессах, которые, в конечном счете, реализуются в конкретных музыкальных и поэтических произведениях и соответственно – в библиографических пособиях².

Обозначим некоторые из них. Рассуждая о связи между библиографией и музыкой, я сразу должен сказать, что такое сравнение может быть плодотворным лишь при условии проникновения во внутренний мир библиографа и музыковеда, в их мышление. Как мудро заметил композитор М.П. Мусоргский: «*Искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель*»³.

Цель музыки заключена в ней самой. Вслед за Ильей Эренбургом (1891–1967) подчеркну, что «*есть в музыке огромное преимущество: она может, не упоминая ни о чем, сказать всё*»⁴. Сила творчества не зависит от простоты или сложности музыки. Я убежден и берусь это доказать, она – настоящая сестра библиографии, связанная с нею в воздействии на сознание

---

² Асафьев Б.В. (Глебов И.). Музыкальная форма как процесс. Кн. 1, 2 / ред., вступ. ст. и комм. Е.М. Орловой. Л.: Гос. муз. изд-во, 1963. 379 с.; Арановский М.Г. Музыкальный текст: структура и свойства. М.: Композитор, 1998. 343 с.; Бонфельд М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства. СПб.: Композитор, 2006. 647 с.; Жукова Г.К. Репрезентация национального в европейском музыкальном дискурсе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 168 с.; Литературоведение как проблема: Тр. Науч. совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре»: Памяти А.В. Михайлова посвящается. М.: Наследие, 2001. 600 с.

³ Мусоргский М.П. Письма и документы с приложением... М.; Л.: Музгиз, 1932. С. 424. См. также: Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2017. С. 118.

⁴ Эренбург И.Г. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. Люди, годы, жизнь. Кн. 5. М.: Худ. лит., 2000. С. 22.

человека. Исполнение музыкального произведения можно рассматривать как разновидность библиографического мышления в звуке. Как и библиографическое мышление музыкальный текст отражает содержание духовного мира человека. Видимо, так понимал сущность музыки Ф.М. Достоевский. В письме к И.С. Тургеневу он задает ему вопрос: «А кстати: как смотрите Вы на музыку?.. По-моему, это тот же язык, но высказывающий то, что сознание *еще* не одолело (не рассудочность, а всё сознание)...»⁵. Поэтому в библиографии, как и в музыке, бессмыслица невозможна.

Новое в библиографию приходит как необходимость для выражения новых мыслей. Оно рождается в результате поиска, а не механического чужого опыта. Формы библиографического мышления, методы изложения представляют собой не врожденные механизмы творчества библиографа. Он приобретает их на различных этапах своего профессионального становления и развития, а затем придает только им присущую индивидуальность. Если библиография не включит в сферу своей деятельности исследование процесса библиографического мышления, она понесет весьма значительные потери – из анализа «выпадает» сам библиограф как личность и профессионал⁶.

---

⁵ *Достоевский Ф.М.* Письмо к И.С. Тургеневу 23 декабря 1863 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 28. Л., 1985. С. 61.

⁶ С середины 1960-х до середины 1970-х гг. советский философ Э.В. Ильенков (1924–1979) опубликовал серию работ, в которых доказывал, что «мыслит не мозг, а человек с помощью мозга». Субъектом психологии является личность, а не мозг, к тому же личность в единстве с природой и обществом. Люди – существа природного мира, но наше обладание ментальной жизнью состоит не в наличии особого класса событий внутри нас, а в нашем способе общения с миром, в способе общения, возможном только потому,

Мозг библиографа наполнен множеством фрагментов текстов, составляющих его индивидуальный словарь. Опираясь на словарный запас, осуществляется мышление библиографией, в процессе которого каждый библиограф ищет свой язык во всех его проявлениях. Когда библиографический текст закончен, наступает очередь читателя (интерпретатора) мыслить библиографией.

Поэтика библиографии многослойна. Ее можно воспринимать по-разному, с большей или меньшей глубиной понимания. Каждый получает от библиографии то, что он способен от нее взять. Это зависит от многого: от уровня образованности читателя, от объема его жизненного и душевного опыта, от возраста, наконец, от чуткости и одаренности. Читатель как бы становится на место библиографа и мыслит его словами. Библиограф приобщает читателя к своему опыту, но этого опыта читателю недостаточно, если нет собственного.

Первоначальное восприятие библиографической проблемы проявляется как *«смутное целое»* (выражение Б. Рассела)⁷, только затем происходит избирательная фиксация внимания на отдельных фрагментах. В результате аморфное образование приобретает характер структуры: она выстраивается из описаний существенных сторон проблемы и целевых характеристик⁸.

Библиографическое мышление есть творческий процесс, а библиографический метод интерпретации предполагает его понимание и рассмотрение через призму конкретной поиско-

---

что мы – существа социальные. Подр. см. об этом: *Бэжхерст Д.* Психика, мозг и образование // *Вопр. философии.* 2013. № 11. С. 50–65 (пер. с англ. Д.Г. Лахути).

⁷ *Рассел Б.* Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс Дом интеллектуал. кн., 1999. С. 379–380.

⁸ *Юлов В.Ф.* Мышление в контексте сознания. М.: Акад. проект, 2005. С. 57–58.

вой проблемы⁹. Поиск является доминирующей тенденцией библиографического мышления, где поисковая проблематика определяет критерии интерпретации того или иного информационного фрагмента текста.

Библиограф отбирает, комбинирует, но до конца не дает себе отчета в том, когда именно наступает осмысление фактов. Даже тогда, когда уже найдена последовательность их представления. Причем количество найденного материала отнюдь не свидетельствует о его качестве. Библиограф – нечто большее, чем просто специалист, который выполняет справки по запросу читателя (пользователя). Его характеризуют не только документы, которые он разыскивает, но и происхождение этих документов. В личности библиографа присутствует *время*, его движение. Он способен выразить «библиографическое время», поставив перед ним «зеркало» и духовно определив его.

В творчестве библиографа категория времени превращается в вечность, потому что в самой личности вечность воплощается во времени. Потерянное (утраченное) время – это время неизвестной библиографии, время неживых ее моментов. Единственным средством его восстановления является обнаруженный новый библиографический текст. Знать и искать неизвестное очень сложно. Если библиография позволяет мышлению состояться, это еще не означает, что неизвестный текст ведет библиографа к открытию, к новому знанию. Мышление совершается каким-то другим образом. Это происходит в том случае, если мы, размышляя о проблеме, еще не знаем своих собственных мыслей, а есть только наше «мнение».

Избирательный отбор релевантной информации обеспечивается благодаря эмоциональному компоненту мышления библиографа, настроенности его сознания на понимание. По-

---

⁹ *Леонов В.П.* Библиографическая трансформация знания // Библиография. 2005. № 1. С. 68.

ниманию способствует диалог. Вступая в творческий диалог с текстом, библиограф создает его новое понимание, что соответственно расширяет горизонт его собственного сознания. Немецкий философ Ганс Гадамер (1900–2002) сформулировал это предельно кратко и емко: «Само понимание есть самопонимание в чем-то»¹⁰.

Профессиональная черта памяти библиографа – это *активность познания*. Она появляется в самом начале работы, входит в его сознание, но проявляется по-разному в начале и в конце поиска. Так происходит перемещение фрагментов текста, и меняются связи внутри библиографического языка...

* * *

Является ли сегодня проблема библиографического мышления актуальной? Если да, то как с помощью гуманитарных дисциплин ее можно доказать?

Настоящая книга посвящена тем проблемам библиографии, представляющим, с моей точки зрения, особый теоретический и практический интерес. В дискуссиях, на конференциях, в печати постоянно возникают и обсуждаются вопросы: о роли и месте психологии в изучении библиографических процессов; о специфике библиографического мышления; о логике и интуиции в библиографическом анализе текстов и поиске информации. Таких вопросов немало, на некоторые из них я попытался ответить в этой книге, полагая, конечно, что мои аргументы не единственно возможные и окончательные.

В книге я сознательно использую много цитат из сочинений разных авторов. Их можно назвать «упоминательной клавиатурой» (термин О.Э. Манделъштама), без которой она не могла бы появиться. Это не цитаты в привычном смысле слова.

---

¹⁰ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 227.

«Цитата, – как подчеркивал О.Э. Мандельштам, – не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает. Эрудиция далеко не тождественна упоминательной клавиатуре, которая и составляет самую сущность образования»¹¹.

Практическая значимость книги обусловлена тем, что процессы глобализации библиографической деятельности и библиографического образования диктуют необходимость обновления научной основы изучения и исследования библиографии, а также ее преподавания. Читателю предлагается одна из первых попыток обзора и характеристики современного состояния проблем библиографического мышления. Издание предназначено для специалистов гуманитарных дисциплин, библиографов, библиотековедов, книговедов, для аспирантов и студентов вузов культуры.

---

¹¹ *Мандельштам О.Э.* Разговор о Данте // Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 2. Проза. М., 2010. С. 160.

---

1. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПРОЦЕСС

1.1. Библиография, мышление, язык

Феномен библиографии дан нам для того, чтобы внести *порядок* в книжный мир, включая сюда отношения между человеком и временем. Сочетание слов «библиография» и «мышление» характеризует процессы, вне которых библиографическая деятельность невозможна. Они существуют только во взаимосвязи. Если это так, то правомерен вывод, что библиографическое мышление является неперенным условием качественной библиографической деятельности: поиска, оформления, представления и восприятия ее результата.

Если учесть, что понятие «библиографическое мышление» еще не является научным термином, что вопрос о его правомерности остается открытым, то поиск в этом направлении будем рассматривать как начальную стадию изучения. Зачем нужно изучать библиографическое мышление? Полагаю, чтобы идти по пути дальнейшего постижения сущности библиографии, закономерности ее взаимодействия с другими видами мыслительной деятельности, такими, например, как чтение, понимание, интерпретация текстов.

Библиографическое мышление относится к тем сферам библиографии, сущность которых не до конца ясна науке. Приступая к его изучению, приходится заранее примириться с мыслью, что многие порой наиболее существенные проблемы все еще не имеют единого решения. Более того, решение их за последнее время даже как будто усложнилось: то, что

недавно казалось ясным и очевидным, современному библиографу представляется непонятным и трудно объяснимым. Однако это не является поводом отказа от их изучения. В данный период происходит накопление большого эмпирического материала, хотя возникает ощущение недостаточности опыта, но вместе с тем постановка вопроса представляется правильной.

В настоящей книге библиографическое мышление рассматривается не во всем объеме его значения, а лишь с той точки зрения, которая в первую очередь доступна для объяснения. Имеется в виду библиографический анализ текста и проблемы, входящие в его сферу: вопросы психологии, читательского восприятия, логического и интуитивного анализа, поэтико-библиографического словаря.

Всякий исследовательский анализ строится на читательском восприятии. Именно оно лежит в основе интуиции, которая позволяет библиографу выбирать для анализа наиболее существенное. Напомню строки из стихотворения Анны Ахматовой «Читатель»:

*«А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад...»*

Вместе с тем, читательское переживание и исследовательский библиографический анализ – два различных вида деятельности. Читатель воспринимает все стороны текста в единстве, а библиограф идет вначале через анализ и последующий синтез. Расчленение проблемы на этапы – основа научного понимания библиографического мышления.

Понятие «библиографическое мышление» из метафорического и образного, каким оно является сегодня, должно со временем перейти в научную категорию. Оно необходимо для осмысления воздействия, которое библиография оказывает на человека. Библиографическое мышление связывает все происходящее в библиографии в единый процесс и намечает

контуры среды, через которую библиограф управляет всем документальным материалом, обрабатывая его в соответствии с исходным замыслом. Он, в принципе, должен владеть тем, чем давно владеют поэты: *понимать* и ценить *восприятие*, движимое общественным сознанием, как явление, имеющее большое значение в формировании и развитии библиографии, а библиографию – как *искусство преобразования смысла* исходного текста. В идеале задача библиографического познания текста требует от библиографа равного умения охватить текст мыслью и уловить интуицией (чувством) то, что не поддается мысли.

Что же происходит с читателем, когда библиография «открывает глаза» на ранее сокрытое от него? Предлагаю следующий ответ: непосредственно воздействуя на все сферы психики, связанные со смыслом библиографической деятельности, библиография трансформирует протекающие в ней (психике) мыслительные процессы, упорядочивая, организуя их, и превращает эти процессы в *мышление библиографией*, то есть в разновидность невербального мышления. Это и является главной целью библиографической деятельности в той ее части, которая связана с внутренним миром человека и скрыта от непосредственного наблюдения. Признание факта мышления библиографией не позволяет ввести категорию библиографического мышления в проблематику общей психологии или психологии творчества, оно входит в поле (контекст) библиографической деятельности.

Библиографами осуществляется мышление библиографией, то есть их мозг формирует в своем сознании образ интерпретатора исходного текста. Важно подчеркнуть, что этот процесс происходит *до* и *вне* каких бы то ни было словесных формулировок. Библиография никуда не уходит и ниоткуда не приходит. У нее нет точки отсчета. Одна из основных ее

функций – выражение духовного мира человека. Перефразируя сказанное медиевистом Й. Хёйзингой об историческом знании, справедливым будет утверждение, что библиография представляет собою одну из форм, в которых общество дает себе самоотчет¹.

Трудности изучения библиографического мышления заложены в его природе: оно не дано непосредственно в качестве объекта изучения. Существует целая совокупность проблем, связанных с обоснованием самого понятия «библиографическое мышление»: выделение его из психологических и эстетических параметров, описание функций, стоящих за понятием психической реальности. Их суть заключается в том, что в современных условиях библиографическая наука и практика не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми изменениями, которые сами же вносят в книжный мир. Полагаю, что источники этого кризиса находятся внутри, а не вне библиографического мышления. Проблема в итоге сводится к изучению феномена библиографического мышления и выбора путей его анализа.

После введения в заявленную тему рассмотрим содержание понятия «мышление» и некоторые аспекты его изучения.

Термин «мышление» учеными определяется по-разному. Обратимся к классическим исследованиям Л.С. Выготского (1896–1934) по общей психологии мышления, в которых содержатся важные выводы:

1. Мысль не выражается, но *совершается* (выделено мной. – *В.Л.*) в слове.

2. «...отношение мысли к слову есть живой процесс рождения мысли в слове. Слово, лишённое мысли, есть прежде всего мертвое слово» (с. 349).

---

¹ Цит. по: *Гуревич А.Я.* Двойная ответственность историка // *Гуревич А.Я.* История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 609.

3. Смысл слова преобладает над его значением, в процессе взаимодействия происходит обогащение смысла словом.

4. Внутренняя речь – это смысловая сторона речи, обращенная к субъекту. Ее характеризует особый синтаксис (свернутый и сокращенный).

5. Внешняя речь – это речь для других².

Исходя из этих выводов можно утверждать, что библиографическая мысль тоже существует во времени и пространстве, она живая: зафиксирована и материализована либо в библиографическом описании, либо в сознании библиографа. Одновременно она изменчива, поскольку каждый раз в процессе коммуникации библиографическая мысль, совершенная в слове, будет рассматриваться в зависимости от точки зрения воспринимающего субъекта, его уровня образования, а также его эмоционального состояния.

Другой выдающийся психолог, основатель теории деятельности – А.Н. Леонтьев (1903–1979) определяет мышление как форму психической активности сознания. В его работах рассмотрены механизмы формирования памяти, представляющие собой процесс «вращения» внешних форм во внутренние психические процессы³. Мышление раскрывает изучаемый предмет только в качестве возможности субъекта. В процессе восприятия текста человек переживает состояния, до некоторой степени аналогичные тем, которые он испытывает при восприятии музыкального или живописного произведений. При этом большую роль играют ассоциативные связи, возникающие из опыта практической деятельности. Они индивидуальны, неповторимы и способствуют

---

² *Выготский Л.С.* Мышление и речь: психологические исследования / предисл. Л.Ф. Обуховой. М.: Изд-во «Национальное образование», 2016. 368 с.

³ *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 584 с.

не только раскрытию внутреннего мира субъекта, но и формированию в памяти целостного впечатления. Видимо, наш мозг умеет в «счастливый момент» библиографического мышления внезапно, минуя логические шаги, приходиться к озарению и пониманию решаемой проблемы.

Как отмечается в специальной литературе, через всю историю психологии творчества в виде ее магистральной линии проходит проблема фаз (стадий, ступеней, этапов, актов, моментов) творческого процесса, их классификации и интерпретации. Несмотря на предлагаемые разными авторами различия, они в общем виде похожи. Приведу описание фаз творческого процесса, представленное во вводной статье доктора психологических наук Я.А. Пономарева⁴.

Первая фаза – фаза *логического* анализа. На данной фазе для решения проблемы используют знания, которыми располагает исследователь и которые он может актуализировать, воспроизвести в конкретной ситуации.

Вторая фаза – *интуитивное решение*. Она характеризуется неосознанным способом решения проблемы. Само решение оказывается возможным, если ключ к нему содержится в неосознанном опыте. Осознание факта решения происходит неожиданно благодаря тому, что потребитель оказывается удовлетворенным. Решение переживается как озарение, инсайт (и я бы добавил как серендипность. – В.Л.).

Третья фаза – фаза *вербализации* интуитивного решения, то есть объяснение способа(ов) ее получения – процессуальная сторона.

Четвертая фаза – *формализация вербализованного* решения, то есть придание найденному решению логически завер-

---

⁴ Пономарев Я.А. Фазы творческого процесса (Вместо введения) // Исследования проблем психологии творчества / отв. ред. Я.А. Пономарев. М., 1983. С. 3–26.

шенной формы. На этой фазе, как и на исходной (первой), тип поведения определяется высокой осознанностью результатов и процессов действий.

Перечисленные фазы творческого процесса есть и в библиографической деятельности, которая включает в себя, помимо психического, комплекс (собрание) разнопорядковых факторов: социальных, биологических, физических. Библиографическое мышление занимает важное место в этой многомерной системе. Поэтому его исследование должно начинаться с выделения (вычленения) из комплекса факторов, составляющих библиографическую деятельность.

Важно подчеркнуть, что мышление в библиографии, как и в любой другой области человеческой деятельности, не связано с какой-либо эпохой, направлением, жанром. Сошлюсь на утверждение почетного члена Петербургской Академии наук, физиолога И.М. Сеченова (1829–1905), который писал, что *«основные черты мыслительной деятельности человека и его способности чувствовать остаются неизменными в различные эпохи его исторического существования, не завися в то же время ни от расы, ни от географического положения, ни от степени культуры. Только при этом становится понятным сознание нравственного и умственного родства между всеми людьми земного шара, к каким бы расам они не принадлежали; только при этом становится для нас возможным понимать мысли, чувства и поступки наших предков в отдаленные эпохи»*⁵. Это очень важное заключение! Следовательно, на протяжении многих столетий библиографическое мышление в основе своей не менялось. Оно осталось таким же, каким было при Каллимахе Киренском, Ярославле Мудром, Иоганне

---

⁵ Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию? // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 223.

Гутенберге, Иване Грозном, Петре Первом, Екатерине Второй и т.д. Исследователь, который предполагал бы у людей прошлого «особое мышление», в сущности, закрыл бы для себя возможность понимания авторов библиографических текстов: ведь сам этот исследователь живет в наше время.

Процессы движения и развития мышления происходят во времени. Оно может присутствовать всюду, но в библиографии к нему требуется повышенная концентрация внимания. Библиограф проходит путь, пройденный автором, привнося в него свои идеи, взгляды, привычки. Причем важно, чтобы он уловил то новое, что создано автором *в единстве*, иначе все распадется на фрагменты. Процесс библиографического мышления в своей сущности носит знаниевый характер, это «деятельность интеллекта». Можно выделить первичные (последовательные, прямые) и вторичные (опосредованные) способы его проявления. Первые обнаруживаются в специфических ситуациях, связанных с логическим решением задач; у вторых – преобладают психологические, интуитивные процессы мышления.

Библиографическое мышление, как уже отмечалось, – творческий процесс, но и творчество помогает нам понять библиографическое мышление. Происходит взаимное отражение. Это похоже на эффект отражающихся зеркал, когда ставятся друг против друга два зеркала и между ними зажигается свеча. В зеркалах возникают бесконечные вереницы зеркал и свечей. Такова одна из главных причин бесконечности смыслов в библиографическом мышлении.

Чтение текста есть его интерпретация. Интеллект человека обладает способностью предвосхищать течение смысла текста – обгонять и возвращаться назад к уже прочитанному. «... *Не рискуя впасть в парадоксальность, скажем*, – подчеркивает выдающийся ученый В.Ф. Асмус (1894–1975), – *что,*

*строго говоря, подлинным **первым** прочтением произведения, подлинным **первым** прослушиванием симфонии может быть только **вторичное** их прослушивание. Именно вторичное прочтение может быть таким прочтением, в ходе которого восприятие каждого отдельного кадра уверенно относится читателем и слушателем к целому. Только в этом случае целое уже известно из предшествующего – первого – чтения или слушания»⁶. Затем происходит обобщение прочитанного и таким образом воспроизводится ход замысла автора. Библиограф «выводит» автора за скобки и дает тексту возможность жить своей жизнью.*

Одну из успешных попыток расширить исследовательское поле библиографии путем изучения психологических аспектов информационных потребностей личности осуществил Ю.С. Зубов (1924–2006). В монографии «Библиография и художественное развитие личности» он вводит понятие «библиографическое мышление», под которым понимает «способность читателя к особому рода представлениям – образам, воссоздающим в сознании специфические объекты (источники информации) на основании характерных сведений о них. Заглавие произведения, другие данные титульного листа, прикнижная аннотация, оглавление – все эти элементы помогают читателю сконструировать образ книги до ее прочтения и, таким образом, определить степень ее соответствия своим ожиданиям... Библиографическое мышление – одно из проявлений «опережающего отражения» (П.К. Анохин), свойственного только человеку, и на определенной стадии социализации становится вполне естественным для него»⁷.

---

⁶ Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопр. литературы. 1961. № 2. С. 44–45.

⁷ Зубов Ю.С. Библиография и художественное развитие личности. М.: Книга, 1979. С. 31. См. также с. 44, 51.

Идеи Ю.С. Зубова получили развитие в исследовании З.А. Сафиуллиной⁸. Среди видов документальной библиотечно-библиографической памяти она выделяет такие ее разновидности, как библиографическое мышление, отражение библиографической информации, библиографическая память (с. 61–67, 369–370).

Единицей библиографического мышления выступает библиографический язык⁹. Можно выделить два подхода к определению этого термина, которые обозначим как широкое и узкое. *Широкое* понимание лежит в основе литературных традиций и общелингвистических категорий. *Узкое* – более профессиональное, вырастающее из традиций библиографической деятельности. Первый подход определяется краткой исходной формулой: библиография – это библиографический язык, то есть вне библиографии нет библиографической деятельности, все явления библиографии существуют на языковой основе. Второй подход, основанный на использовании данного термина, служит для обозначения отдельных разновидностей библиографических процессов: предметизация, индексирование, аннотирование, реферирование. Таким образом, библиографический язык – своеобразное «библиографическое слово», которое выступает (является) элементом библиографической речи.

Помимо функции передачи информации, библиографический язык является носителем и эстетической функции. В нем исходно заложены возможности различного толкования (интерпретации) анализируемого текста и в этом гарантия продолжительности его существования.

---

⁸ Сафиуллиная З.А. Социальная память: библиотечно-библиографическая репрезентация в прошлом, настоящем и будущем. М.; Берлин: Direct Media, 2016. 495 с.

⁹ См.: Леонов В.П. Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Изд-во «Европ. Дом», 2017. С. 19–21.

Ранее уже отмечалось, что мыслительные процессы в библиографии выступают как библиографическое мышление. Это означает, что осознаваемое мышление есть разновидность *континуального* мышления, то есть недискретного мыслительного процесса. Мне близки и понятны работы выдающегося математика и философа В.В. Налимова (1910–1997), где обосновывается идея о наличии семантических полей и даже «семантической вселенной», которые осуществляют функции духовного формообразования¹⁰. Автор полагает, что индивидуальная психика каждого человека естественным образом погружена в более общую и целостную коллективную психику – в концептуальные потоки сознания.

Важно, чтобы между семантическим полем и человеком была двухсторонняя связь, обмен, «духопроводность»¹¹. Поэтому нужно переходить от автономного исследования разных форм психического и духовного в человеке к конструированию (созданию) форм посредничества, одной из которых может быть книга как врожденная программа. Посредничество предполагает деятельное, коммуникативное и диалогическое взаимодействие.

Концепция континуального мышления свидетельствует об особой роли библиографии в человеческой деятельности. Оно

---

¹⁰ *Налимов В.В.*: 1) Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей», МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 287 с.; 2) В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.; 3) Облик науки. М.: Изд-во МБА, 2010. 367 с.; 4) Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1978. 84 с. См. также: *Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.* Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6. С. 111–122.

¹¹ Подробнее об этом см.: Приложение 1 «О континуальном мышлении (читая В.В. Налимова)».

обретает форму в виде результатов библиографической деятельности и вызывает соответствующую реакцию у читателя. Изучение библиографического мышления дает простор исследователю для дальнейшего постижения сущности библиографии и закономерностей ее взаимодействия с другими видами мыслительной деятельности.

1.2. Библиографическое мышление и текст

Воспользуемся ставшей уже привычной метафорой, согласно которой книжный мир – это текст. Есть и другие определения: «культура – это совокупность всех текстов» или «все тексты (или текст вообще) – это то, что составляет культуру». Культура пользуется словом «текст» для осмысления самой себя.

Библиографический мир представляет собой модель книжного мира, но соотносится с ним сложным образом. Феномен текста в XX в. стал предметом особого интереса гуманитарного знания не только в лингвистике и литературоведении, но и в различных направлениях философии (феноменологии, экзистенциализме) и психологии. Этот процесс способствовал появлению междисциплинарных связей таких как психолингвистика, когнитивная психология.

Библиографический текст – носитель библиографической мысли, которая воплощается в библиографической записи. Вместе с тем феномен библиографического текста не сводится только к библиографической записи, хотя включает ее в качестве важной составляющей. Он выходит за пределы записи. Он мощный механизм поиска и истолкования книжного мира и ориентировки в нем.

Текст (в том числе и библиографический) не существует вне воспринимающего, т.е. интерпретирующего сознания чи-

тателя. Завершенный текст уже не может мыслиться в отрыве от его коммуникативной направленности и усваиваемого читателем опыта. Для прочтения, как минимум, надо владеть языком, на котором он написан. Между текстом и его пониманием существует некая дистанция. Насколько наш собственный опыт чтения отличается от исторически сложившихся форм опыта и нужно ли искать эти различия?¹² Вопрос непростой.

Библиографический текст в бесконечный мир библиографии вводит поэта. Текст напоминает книжный космос. Он пребывает в состоянии непрерывного движения. Тексты «притягивают» из поэтического космоса элементы, когда-то принадлежавшие другим текстам, и библиографическое мышление обновляет их с помощью контекста на основе ассоциативных отношений.

Каждый библиограф ищет «свой» язык, формируя «свой» словарь во всех его проявлениях. Мозг библиографа наполнен лексикой, которую он формулирует в сознании (подсознании) в поисках окончательного решения. Это – акт коммуникации с текстом, где доминирует поэтическая функция языка. Библиографический текст строится на основе поэтических законов, которые обусловлены самой библиографией. Чем содержательнее материал, ярче содержание, тем больше возможностей его интерпретации. Мастерство библиографа заключается в умении выбрать форму изложения. Отличие логического от психологического определяется решением проблем связности...

Словарное определение текста гласит, что под текстом понимается *осмысленная «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и целостность»*¹³.

¹² Подр. см.: Поэтичность как когнитивный и коммуникативный опыт. Круглый стол // НЛО. 2016. № 4. С. 427–431.

¹³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 507.

Библиографический текст – продукт особой разновидности профессионального мышления и потому он служит «отпечатком» деятельности присущих ему психологических характеристик. Перевод этих характеристик на язык библиографии – специальная исследовательская работа. Наиболее действенным является синтез мысли, слова, книги. В библиографии всё без исключения оказывается содержанием. По-настоящему понимать библиографический текст значит понимать форму, ставшую содержанием; понимать содержание, воплотившееся в форме; понимать, что изменение формы влечет за собой изменение библиографического содержания.

Следуя логике словарного определения текста, *библиографическим текстом мы будем называть такую последовательность знаковых единиц, которая интерпретируется субъектом как относящаяся к поэтике библиографии. Он представляет собой структуру, построенную по нормам какой-либо исторической разновидности библиографического языка, и несет постигаемый смысл.*

*Библиографический язык – многоуровневая порождающая система, обладающая необходимым набором моделей знаковых единиц и правил их сочетания, предназначенных для построения библиографического текста*¹⁴. Одна из главных проблем библиографического языка – проблема воплощения в свернутом тексте авторского сознания.

---

¹⁴ Эти определения сделаны мною на основе анализа работ М.Г. Арановского, М.Ш. Бонфельда, Г.К. Жуковой. См.: *Арановский М.Г.* Музыкальный текст. Структура и свойства. М.: Композитор, 1998. С. 35–48; *Бонфельд М.Ш.* Музыка как речь и как мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства: автореф. дис. ... докт. искусствоведения / Рос. ин-т искусствознания. М., 1993. 41 с.; *Жукова Г.К.* Репрезентация национального в европейском музыкальном дискурсе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 18–49.

Библиографический текст не равен библиографическому языку. Он и «меньше» и «больше» языка в зависимости от аспектов составления. Он меньше библиографического языка, потому что является одной из его реализаций (классифицирование, предметизация, индексирование). Вместе с тем библиографический текст больше, так как является уже речью, актом речи, а речь имеет свой смысл.

Библиографический язык представляет собой средство интерпретации библиографического мышления. Читая текст, мы можем сказать: в этом месте присутствует мышление. Библиография представляет уровень, на котором процессы библиографического мышления синтезируются. Везде, где есть библиография, там есть и память. Но мы не можем утверждать, что везде, где есть память, там есть и библиография. Библиография постепенно идет к тому, чтобы очертить собственную сферу мышления как такового. Сегодня мы еще далеки от того, чтобы отчетливо представить себе круг проблем библиографического мышления и методов его изучения. Почему?

Полагаю, ответ возможен такой: с помощью библиографического мышления нужно найти смысл текста и последующую его интерпретацию, их нельзя дать заранее. Интерпретацию авторского текста практически всегда можно считать однозначно определенной. Интерпретация же запроса читателя допускает, как правило, очень большие индивидуальные расхождения. Парадокс состоит в том, что чем ярче интерпретация, тем отчетливее на ней печать времени. Точка зрения библиографа отражается в самой структуре анализируемого текста. Он ни на чьей стороне. Он изобретает средство для раскрытия его содержания. Важнейшую роль при этом играет индивидуальный жизненный опыт библиографа и читателя.

В этой ситуации уместно обратить внимание на феномен *интертекстуального взаимодействия*, который относится к

уже готовым текстам¹⁵. В самом общем виде интертекстуальность правомерно рассматривать как коммуникацию между объектами, в нашем случае, между объектами библиографии. Они воздействуют друг на друга и той информацией, которую несут, и теми способами, с помощью которых ее кодируют. Устанавливая между собой связи, тексты оказывают влияние на общую линию развития библиографии, во многом определяя ее направление. Влияние идет изнутри самого процесса, где интертекстуальность выступает в качестве механизма самодвижения¹⁶.

Интертекстуальность в библиографии – это взаимодействие, взаимопроникновение авторского и библиографического текстов, порождающее сложное многофункциональное единство. Интертекстуальность вводит библиографический язык в огромный, бесконечный книжный мир. Он напоминает космос, в котором движутся потоки элементарных частиц, атомов и молекул. Попадая в гравитационное поле звезды или планеты, последние притягиваются ими и входят в состав их вещества, сохраняя в то же время признаки своего космического происхождения. Нечто подобное, полагаю, можно наблюдать и в книжном мире.

В библиографии интертекстуальность становится базой для интертекстуального анализа текста. Библиографические тексты ассимилируют поступающую из книжного мира («третьего мира» по К. Попперу, – мира объективного знания) информацию, трансформируются под влиянием контекста и проявляют себя в типовой форме. Это может быть: классификационный

---

¹⁵ Арановский М.Г. Указ. соч. С. 65–73.

¹⁶ Аксенова Н.С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Вестник МГОУ: Электрон. журн. 2013. № 1. С. 1–8. Режим доступа: www.vestnik-mgou.ru. Дата обращения: 18.02.2018.

код, предметная рубрика, аннотация, реферат. Основная функция интертекстуальности состоит в создании диалога между библиографическим текстом, библиографом и читателем. Каждый автор или библиограф пишет тексты, обращаясь к предшествующему накопленному опыту и учитывая уровень восприятия своих читателей. С помощью интертекстуальности он объединяет свое произведение с другими текстами, опираясь на них, используя явные или скрытые ассоциации...

Библиограф, решивший задачу, не может успокоиться, он постоянно находится в состоянии размышлений, продолжении поиска новых вариантов решения.

Путь исканий наследия прошлого долог и извилист. Эволюция библиографии немислима вне ее развития. Однако непрерывной эволюции в библиографии нет. Последующие поколения ученых и практиков либо обогащают прошлое, либо стремятся по-своему преодолеть наследие. Для этого создается свой библиографический язык и свой вариант развития. Важно на примерах показать, как библиографическое мышление преодолевало свою собственную инерцию, что его обогащало?

Идею одного из таких примеров я позаимствовал у известного отечественного психолога и философа С.Л. Рубинштейна (1889–1960). Приведу ход некоторых его рассуждений: *«Когда человек приступает к определенному виду конкретной профессиональной деятельности или начинает готовиться к ней, происходит прежде всего отбор или подбор тех... способностей, которых объективно требует данный вид деятельности... Способность – это закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей... В ходе деятельности, направленной на удовлетворение потребности, и происходит формирование и отбор тех „строительных материалов“, из которых затем образуется способность. Способность скла-*

дывается, когда выработавшиеся в процессе деятельности связи закрепляются (рефлекторным механизмом) в природе человека – его слуха и пр.»¹⁷.

Свои теоретические размышления С.Л. Рубинштейн обосновал в интерпретации очерка Б.В. Асафьева «Слух Глинки»¹⁸. Проведенное вдумчивым, творческим музыкантом, включает психолог, исследование Б.В. Асафьева дает конкретный анализ становления слуха композитора М.И. Глинки и формирования его музыкальных способностей¹⁹.

Следуя логике рассуждений упомянутых авторов о музыке и музыкальных способностях, я попытался рассмотреть феномен библиографии и библиографических способностей с позиций библиографического мышления. И музыка, и библиография изучают мышление в процессе его развития. О сходстве музыкального и библиографического мышления речь шла в разделе 1.1. Что же такое библиографическая способность?

Библиографическая способность, с моей точки зрения, – это способность библиографа создавать в процессе творческой деятельности свой словарь профессионального языка, пользоваться им, понимать его, постоянно пополнять и совершенствовать. Для меня ярким классическим образцом библиографа с уникальными способностями является Конрад Гесснер (1516–1565), автор «*Bibliotheca Universalis*», который по праву считается «Отцом западноевропейской библиографии»²⁰.

---

¹⁷ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 258–259.

¹⁸ Асафьев Б.В. Слух Глинки // М.И. Глинка: сб. материалов и статей / под ред. Т. Ливановой. М.; Л., 1950. С. 39–92.

¹⁹ Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 259–265.

²⁰ Леонов В.П. Конрад Гесснер – отец западноевропейской библиографии: (к 500-летию автора «*Bibliotheca Universalis*») // Библиосфера. 2017. № 3. С. 3–7. В Приложении 2 на основе написанной им в «*Bibliotheca Universalis*» автобиографии и автобиблиографии я по-

Подытоживая сказанное, подчеркну, что занимаясь библиографической деятельностью, нам, современникам, надо постоянно помнить о творческом наследии, оставленном в сочинениях великих библиографов мира: Каллимахе, Фотии, К. Гесснере и многих других. Каждый из них внес свой уникальный вклад в библиографию и понимание библиографического мышления. Что касается России, то в ней в конце XIX и в течение XX вв. концентрировалось лучшее, что было накоплено библиографической мыслью (В.С. Сопиков, В.И. Межов, С.А. Венгеров, Н.А. Рубакин, Н.В. Здобнов, М.В. Машкова, К.Р. Симон). То, что мы это еще не во всей полноте себе представляем, можно объяснить различиями в восприятии и интерпретации библиографического наследия у нас и за рубежом. В сохранившихся трудах и текстах представлена впечатляющая картина того, как человеческий ум, испытывая силу сопротивления сложившихся старых форм, совершенствовал библиографию и направлял ее к прогрессу. Они требуют нового прочтения. Такой поворот к исследованию библиографического мышления ведет к расширению словаря, который есть не что иное как попытка сделать надлежащий выбор относительно будущего библиографии.

пытался выделить основные ступени формирования его библиографических способностей, которые благоприятствовали расцвету его мышления.

1.3. Логические и интуитивные механизмы библиографического мышления

В заметках «Культура и ценность» Людвиг Витгенштейн вспоминает: *«Рассел часто в ходе наших бесед употреблял выражение „логический ад“. И оно совершенно точно выражает то, что мы испытываем при размышлении над логическими проблемами, а именно: их чрезвычайную сложность, трудноуловимость»*²¹. В ходе работы над книгой, обращаясь к опыту историков, социологов, библиографов прошлого и настоящего, я убедился, что в мире библиографа проблема «логика и интуиция» – это тоже своего рода «логический ад». Всегда будут разные точки зрения о природе исторического и социологического знания, о формировании библиографического мышления в двух пересекающихся режимах – логическом и интуитивном²².

На библиографическом мышлении основано понятие «библиографический поиск», которое давно привлекает внимание исследователей. Первым среди них в 1920-е годы был библиограф и библиофил Н.Ю. Ульянинский, определивший сущность библиографического поиска через библиографическую эвристику²³. В 30–60-е годы этой проблемой глубоко занимался профессор, а позднее член-корреспондент Академии наук СССР П.Н. Берков. Он разработал библиографическую эвристику как теорию библиографических разысканий и

²¹ *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 439.

²² См., напр.: *Финн В.К.* Проблемы концептуализации и аргументации в социологическом и историческом знании // Проблемы исторического познания / отв. ред. К.В. Хвостова. М., 2002. С. 11–18.

²³ *Ульянинский Н.Ю.* Библиографическое разыскание (эвристика) // Библиография. 1929. № 1. С. 38–43.

как новое направление библиографоведения²⁴. Вопросы библиографического поиска нашли отражение в трудах многих библиографоведов и библиографов-практиков Н.В. Здобнова, М.А. Садовой, А.Г. Фомина, Е.И. Шамурина, М.А. Брискмана, М.П. Бронштейн, Е.В. Иениш, И.Г. Моргенштерна, Б.Т. Уткина, Н.А. Слядневой, А.В. Соколова, А.А. Гречихина, Н.М. Розовой, Л.М. Герасимовой, Е.Д. Жабко и др.

Обстоятельный обзор мнений и точек зрения по этой проблеме содержится в монографии ведущего научного сотрудника РГБ М.Ю. Нещерет²⁵. Автор справедливо приходит к выводу, что сущность библиографического поиска, несмотря на прошедшие столетия библиографической практики и новые информационные технологии, остается неизменной. Компонентами любых информационных технологий неизбежно являются и библиографические, а доминирующая роль в библиографическом поиске принадлежит интуитивной логике²⁶.

Особую актуальность эта деятельность приобретает в режиме справочно-библиографического обслуживания (СБО) читателей (пользователей) при выполнении их запросов. Правда, в условиях современной библиотеки СБО все больше трансформируется в справочно-консультационное обслуживание, включающее квалифицированный отбор источников и дополнительные консультации читателей (пользователей) по самостоятельному поиску.

Среди читательских запросов наиболее сложными являются неопределенные запросы, которые порождаются многими причинами. Чаще всего это – неточности или ошибки

²⁴ Берков П.Н. Библиографическая эвристика (К истории и методике библиографических разысканий). М.: Всесоюз. кн. палата, 1960. 172 с.

²⁵ Нещерет М.Ю. Библиографический поиск: Эволюция и современность. СПб.: Профессия, 2010. 256 с.

²⁶ Там же. С. 13.

в библиографическом описании источника (уточняющий запрос) или изучение читателем незнакомой темы, т.е. «знания о незнании» (тематический запрос).

Безусловно, есть много библиографов, которые чувствуют проблему поиска «от двери», как «шепот раньше губ» (О.Э. Манделъштам). Но это не столь важно. Здесь важно то, что они указывают правильный путь поиска. Это – навык, обусловленный опытом. Суть дела в систематически повторяющихся пробах и ошибках, которые происходят не случайно, поскольку соответствуют определенному логическому плану, программе или схеме, отработанной на многочисленных примерах.

Уточнение неопределенных запросов предполагает не только обращение ко вторичным или первичным документам, но и использование психологических подходов к решению задачи. Интуитивное решение приходит тогда, когда ключ в виде подсказки возникает в памяти человека. Это зависит не только от профессионального опыта библиографа, но и от начитанности, эрудиции, предшествующего опыта самого читателя (пользователя). Библиограф усваивает своего рода программу вопросов, на которые надо ответить. Следуя определенной схеме, какие-то детали исключаются. В основном суть сводится к устранению возможных ошибок, которым обучаются по справочникам и библиографическим указателям. Посредством устранения проб и ошибок библиограф приходит к правильному заключению.

Принятие решения И.Г. Моргенштерн справедливо оценивал как вид сложной творческой деятельности²⁷. Он считал, что могут быть разные решения: 1) выстраиваться по аналогии с образцами из прошлого опыта; 2) определяться в соот-

---

²⁷ *Моргенштерн И.Г.* Общее библиографоведение: учеб. пособие / науч. ред. Г.В. Михеева; ЧГАКИ. СПб.: Профессия, 2005. 208 с.

ветствии с методическими указаниями или технологическими инструкциями; 3) приниматься мгновенно и носить инновационный характер²⁸.

Применение интуитивного опыта оказывается возможным, когда библиограф, решая задачу, не пытается анализировать и логически обосновывать свои действия. Когда он объясняет решение, то опирается на свои знания и логику. Но если его знаний для решения проблемы оказывается недостаточно, эффективность предложений может быть ниже ожидаемых.

Интуитивный опыт рассматривается как плохоструктурированный, но потенциально содержащий больше информации, чем логический. Квалифицированный библиограф тонко чувствует, в какой момент довериться интуиции, а в какой – включить логику, чтобы вербализовать интуитивно найденное решение. Увидеть за переживаниями конкретный источник – это ответ на главный вопрос интерпретации запроса. В идеале задача библиографического познания текста требует умения охватить его мыслью и уловить интуицией то, что не поддается мысли. Только при согласованных действиях можно обеспечить необходимое объяснение взаимодействия логики и интуиции.

М.А. Садова называла этот феномен «библиографической догадкой»²⁹. *«Библиографическая догадка, – по ее заключению, – не просто предположение типа: „а вдруг так?“, „а может быть?“. Она – нечто большее. Эта догадка основана на знании прочной источниковой базы»*³⁰.

И еще. Важно помнить о том, что библиограф всегда находится в живом, жизненном времени, которое отличается от

---

²⁸ Там же. С. 98.

²⁹ Садова М.А. В поисках книги: Библиографические разыскания при выполнении читательских требований / под ред. и с предисловием М.А. Брискмана. М.: Изд-во ВКП, 1963. 84 с.

³⁰ Там же. С. 60.

хронологического времени жизни. Жизненное время определяет и жизненное пространство его деятельности. Содержание запросов часто вызывается текущим моментом, политической ситуацией, общественно-политической кампанией, модой.

В специальной литературе по методике библиографического поиска отражен богатейший опыт библиографов-практиков³¹. Типы запросов и справок, алгоритмы поиска подробно описаны в учебной и справочной литературе³². Все описания сопровождаются многочисленными примерами наиболее сложных и запутанных запросов читателей (пользователей). Существенное влияние на оптимизацию СБО, выполнение разных типов справок оказало начиная с 1970-х годов развитие информатики, создание автоматизированных информационно-поисковых систем. Однако практика свидетельствует, что библиографический поиск наряду с повторяющимися компонентами, неизменно содержит творческие, не поддающиеся автоматизации. Приведу только

---

³¹ См., напр.: *Берков П.Н.* Библиографическая эвристика: (к теории и методике библиогр. разысканий). М.: Изд-во ВКП, 1960. 173 с.; *Соколов А.В.* Автоматизация библиографического поиска. М.: Книга, 1981. 167 с.; *Иениш Е.В.* Библиографический поиск в научной работе: справ. пособие-путеводитель / науч. ред. И.К. Кирпичева. М.: Книга, 1982. 247 с.; *Моргенштерн И.Г., Уткин Б.Т.* Занимательная библиография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кн. палата, 1987. 255 с.; *Бекжанова Н.В.* Библиографическая реконструкция биографии как фактор совершенствования справочно-библиографического обслуживания: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2002. 18 с.; *Бухштаб Б.Я.* Разыскания по истории русской литературы XIX века // Тр. ЛГБИ им. Н.К. Крупской. 1956. Т. 1. С. 233–242.

³² Библиография. Общий курс. М., 1969. С. 510–530; *Коготков Д.Я.* Библиографическая деятельность библиотеки: организация, технология, управление: учебник. СПб.: Профессия, 2003. 304 с.; Справочник библиографа. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Профессия, 2014. С. 628–644.

один пример из многолетнего опыта работы Справочно-библиографического отдела Библиотеки РАН.

В процессе работы над книгой «Библиотека Академии наук: опыт биографии» мне необходимо было установить, когда в зарубежных публикациях впервые упоминалось о намерениях Петра учредить в Петербурге Академию наук. В литературе, со ссылкой на немецкий журнал «Weltspiegel» (1714. Ч. 65 (66?). С. 614), приводится следующий текст: *«Говорят, что его царское величество предполагает учредить в Петербурге академию. Если это правда, то со временем этот город сделается и замечательным, и громадным, так как и теперь он довольно обширен».*

Источник «Weltspiegel» цитировали несколько авторов:

Шебунин А.Н. Основание Академии наук в России, 1725 г. // Нов. лит. обозрение. 2002. № 2 (54). С. 7–28; *Томсинов В.А.* Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII в. [статья вторая] // Законодательство. 2006. № 3. С. 85–90; *Tishkin G.A.* A female educationalist in the age of the Enlightenment: Princess Dashkova and the University of St. Petersburg // History of Universities. Oxford, 1994. Vol. 13. P. 137–152 (ссылается на Б. Модзалевского); *Модзалевский Б.* Академия наук // Нов. энцикл. словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., [1911]. Т. 1. С. 638–660.

При проверке выяснилось, что немецкого журнала «Weltspiegel» не существует. Казалось бы, тупиковая ситуация...

Что делать? Сошлюсь на два авторитетных мнения. Первое – выдающихся библиографов БАН Н.М. Розовой и Л.М. Герасимовой: *«При неподтвердившейся... гипотезе план действия библиографа меняется. Он пытается установить новые связи, вскрыть подтекст, глубинные качества элементов запроса... Создается новый поисковый план... При удаче*

план успешно реализуется. При отрицательном результате поиск разворачивается дальше...»³³.

Второе мнение доктора педагогических наук Е.Д. Жабко (Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина): «...если все привычные пути исчерпаны, а ответ не найден, библиограф должен быть готов к принятию „нешаблонного решения“, подсказываемого интуитивно»³⁴.

В нашем случае на помощь логике пришла библиографическая интуиция. Выражаю признательность библиографам Справочно-библиографического отдела БАН – заведующей отделом Н.А. Сидоренко и главному библиографу Н.А. Волковой, которые провели уникальную исследовательскую работу по уточнению и разысканию подлинного источника цитаты – голландского журнала «*Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*» (Haag, 1709–1716). (Журнал имеется в фондах Научно-исследовательского отдела редкой книги БАН.)

Просмотр источника *de visu* позволил окончательно уточнить ссылку: *Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*. Haag, 1714. Th. 67. S. 624. Речь идет не о немецком, а о голландском журнале «*Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel*». Текст сообщения, опубликованный в разделе новостей из Москвы от 25 сентября, полностью совпадает с русским переводом, приведенным в статье В.А. Томсинова (с. 88).

Вернемся к проблеме функций и механизмов библиографического мышления. Библиографа интересует мышление как особая точка зрения автора текста на окружающую действительность и на себя самого. Библиограф знает, что нити оценки

---

³³ Розова Н.М., Герасимова Л.М. Традиционный библиографический поиск в Библиотеке Российской академии наук: метод. пособие. СПб.: БАН, 1997. С. 20.

³⁴ Жабко Е.Д. Справочно-библиографическое обслуживание в электронной среде: теория и практика. СПб.: Изд-во РНБ, 2006. С. 55.

интерпретации содержания текста находятся у него, что он может выйти за их пределы и неадекватно описать текст. В этой незавершенности он находится постоянно. Поэтому его мышление, нацеленное на конструирование выводов, всегда пребывает в состоянии неопределенности.

Последуем предложенному М.Г. Арановским описанию действий творческого мышления применительно к нашей теме³⁵. О библиографическом мышлении можно говорить как о двух разных действиях:

– о библиографии можно помыслить, и тогда мы получим ту или иную разновидность теории;

– но можно и помыслить библиографией, и в этом случае мы будем иметь дело с библиографической практикой.

Библиографическое мышление может протекать в двух доминирующих формах: сознательной и бессознательной. Первая предполагает направляемые сознательные мыслительные операции по поиску (нередко методом проб и ошибок) и конструированию решения. Вторая, напротив, проявляет себя посредством внезапного озарения, инсайта, т.е. в феномене неподготовленного открытия решения. Из чего следует, что вся работа по поиску решения протекает в зоне подсознания.

Академик А.А. Ухтомский (1875–1942) ввел в физиологию и психологию понятие функционального органа, определив его как *«всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение»*³⁶. В функциональном органе отражается не то, что свойственно индивиду и внешней среде, взятым по отдельности, а то, что возникает в них при взаимодействии друг с другом и исчезает вместе с прекращением этого взаимодействия. Будучи сформированными, функциональные органы существуют виртуально, как некоторый набор средств

³⁵ Арановский М.Г. Указ. соч. С. 340.

³⁶ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 98.

и способов активности. Их важнейшим способом является способность к предвидению. К числу таких функциональных органов А.А. Ухтомский относил доминанту³⁷. Если функциональный орган – это временное сочетание сил, то доминанта – это не только выразитель силы, средство ее репрезентации, она и сама есть сила или даже сочетание сил, которые обеспечивают решение задач жизнедеятельности. А.А. Ухтомский, заключает В.П. Зинченко, *«сделал шаг от функционального органа к духовному организму»*³⁸.

В этом смысле история библиографии представляет собой раскрытую книгу человеческих сущностных сил. Осуществить подобный замысел, т.е. составить и прочитать ее, крайне трудно. Не менее трудно проследить стадии возникновения сущностных сил и их действие в жизни отдельного человека. Наконец, еще один фактор – среда. Среда окружения выступает как приглашающая сила, как источник развития.

Исходя из двух форм доминанты (сознательной и бессознательной), следует различать библиографическое мышление и библиографическое сознание. Библиографическое мышление представляет собой процесс поиска и выбора решения. Библиографическое сознание является одним из состояний библиографического мышления, которое свидетельствует о его упорядоченности и подготовленности к библиографической деятельности. В момент перехода библиографического мышления в библиографическое сознание в качестве посредника между библиографией и читателем выступает соответствующая знаковая система библиографического языка.

---

³⁷ О роли доминанты см. Приложение 3.

³⁸ *Зинченко В.П.* Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Стилль мышления: Проблема исторического единства научного знания: к 80-летию Владимира Петровича Зинченко / науч. ред. Т.Г. Щедрина. М., 2011. С. 261.

С точки зрения воспринимающего сознания в процессе библиографического мышления нет прошлого, есть только настоящее. Однако в действительности прошлое не уходит из поля его восприятия. Как только процесс переходит из данного момента в другую стадию – законченную форму, прошлое объединяет настоящее, оно делает возможным его существование. Так и в библиографии: последующее не отменяет, но развертывает предшествующее. Ее особенность в том, что психологического эффекта она достигает непсихологическими методами. Библиографическое мышление как до, так и после настоящего текста остается тайной. Я и не собираюсь ее раскрывать, а лишь пытаюсь расширить аспекты рассмотрения. Мне хочется привлечь новых исследователей к тайнам библиографического мышления, пути постижения которого труднопредсказуемы. Эта проблема до настоящего времени не получила должного изучения и освещения.

Доминирующим подходом к процессу библиографического мышления выступает деятельностный подход, т.е. временное сочетание деятельностных сил, способных осуществить некую специфическую работу. Именно в деятельности библиографа обозначаются определенные противопоставления между ним (субъектом) и библиографией (объектом). Основанием деятельности является сознательно формируемая цель. В самом объекте цели нет. Основания цели лежат вне деятельности, в сфере человеческих ценностей, мотивов, идеалов. Другими словами, цель определяется и проявляется только в предмете исследования. Библиограф понимается нами как носитель деятельности, и доминирующий подход проявляется в его активности.

Деятельность – это движение. Построение правил движения означает преодоление избыточных степеней свободы образа по отношению к оригиналу. Свободна наша память, которая уз-

нает и вспоминает по ассоциативному, адресному, смысловым принципам. В исследовании Н.Д. Гордеевой и В.П. Зинченко описаны два вида чувствительности к движению. Первый – это чувствительность к ситуации. Второй – чувствительность к собственным возможностям, таким, как возможность продолжения движения, экстренной остановки, ускорения, направления движения. Сопоставление показаний, даваемое обоими видами чувствительности – это и есть начало рефлексии, т.е. одной из составляющих поведения, деятельности и действия³⁹. Рефлексия – движущая сила сознания и происходящих в нем изменений. Ее роль состоит в переосмыслении и трансформации содержания сознания. Рефлексия, регулируя динамику индивидуальности библиографа, обеспечивает ее единство и целостность.

Одна из функций библиографического мышления состоит в том, чтобы ввести библиографа в определенное душевное состояние, необходимое ему в данный момент времени. Это достигается путем выбора цели познания, коррекцией направленности мышления. Поэтому воспринимаемая библиографом информация, прежде чем достичь его сознания, проходит своеобразный фильтр, отсеивая лишнее. В результате реально актуализируется только то, на что нацелено мышление. Смена цели соответственно ведет к изменению объема и содержания библиографического мышления.

Восприятие библиографической информации полностью зависит от индивидуальности библиографа, от качеств его личности. Преобразование библиографического мышления происходит путем ассимиляции вновь приобретенного опыта в результате использования достижений библиографии для формирования системы сложившихся внутренних представлений.

---

³⁹ Зинченко В.П. Проблемы психологии развития (читая Мандельштама) // Вопр. психологии. 1991. № 6. С. 121. См. также: Вопр. философии. 1991. № 10.

Так одновременно действуют две противоположные тенденции на сохранение и разрушение библиографического мышления. Это противоречие создает предпосылки для развития библиографического мышления, выделяя стадии его стабильного и мобильного состояний.

Подведем предварительные итоги:

1. Библиографическое мышление, являясь частью общего мышления, подчиняется основным закономерностям последнего. При этом его специфика проявляется в оперировании элементами библиографического языка, его особенностями и семантикой.

2. Мыслительная библиографическая деятельность библиографа не сводится только к процессам анализа и обобщения чувственных впечатлений от анализируемого текста. Она связана и с практической деятельностью. Библиографическое мышление через *доминанту* творит новую реальность в виде *новой* библиографической информации, которая становится достоянием библиографической деятельности.

3. Библиографическое мышление через деятельность библиографа дает возможность читателю познать самого себя, составить свой собственный библиографический мир. Таким образом, современное понимание функций библиографического мышления заключается в рассмотрении его как единства отражения и созидания. Отражение представляет лишь одну сторону библиографического сознания, где происходит присвоение читателем библиографической информации. Но библиографическое мышление обладает и творческим потенциалом. Посредством творческой деятельности уже библиограф создает самого себя. По мере активного проникновения в тексты автора и в тексты других библиографов, он расширяет пространство своей души. В этом заключается созидательная функция библиографического мышления.

1.4. О поэтико-библиографическом словаре

Для понимания смысла дальнейшего изложения вновь обратимся к фундаментальному исследованию академика Б.В. Асафьева «Музыкальная форма как процесс». В заключительной его части Б.В. Асафьев сформулировал две важные гипотезы: об «интонационном словаре» и «интонационных кризисах» (с. 357–358). В основе этих понятий лежит понимание интонации как своеобразного «музыкального слова», как эмоционально-образного элемента музыкальной речи.

«...Слушатель, – пишет автор, – через восприятие отдельного музыкального сочинения... слушает музыку как мысль, как ...музыку, питающую его сознание. В сознании слушателей, т.е. в массовом общественном сознании, не размещены целиком музыкальные произведения (разве что у профессионалов и редких любителей), а отлагается сложный, очень изменчивый комплекс музыкальных представлений, в который входят и разнообразные „фрагменты“ музыки, но который, в сущности, составляет „устный музыкально-интонационный словарь“. Подчеркиваю: интонационный, потому что это не абстрактный словарь музыкальных терминов, а каждым человеком интонируемый (вслух или про себя, в различной мере, степени, способе, смотря по способностям) „запас“ выразительных для него, „говорящих ему“ музыкальных интонаций, живых, конкретных, всегда „на слуху лежащих“ звукообразований, вплоть до характерных интервалов...».

И далее, в примечании Б.В. Асафьев уточняет: *«В этом словаре, естественно, преобладают „мелодийные образования“, попевки, как наиболее органическое – в музыке – обнаружение интонационности („тонус речи“), свойственной каждому человеческому „произнесению“ звука (в тоне или слове)».*

Он выдвигает гипотезу «кризисов музыкальных интонаций», отмечая следующее: *«В языкознании процессы интонационных изменений словаря в связи с общественными сдвигами давно наблюдались»*. В кризисно-интонационные эпохи, по словам Б.В. Асафьева, *«по линии мелодических новообразований обычно и происходит обновление музыкально-интонационного словаря»* и *«более глубокие перестройки звуко-мышления»* (Выделено мною. – В.Л.).

Перечитав несколько раз тезисы академика Б.В. Асафьева, я пришел к убеждению, что идеи автора могут быть положены в основу формирования концепции **поэтико-библиографического словаря** как составной части процесса библиографического мышления. Вот лишь некоторые мои рассуждения.

В библиографическом сознании и в поэтике библиографии живут не готовые «слова» этого языка, а более или менее стабильные в каждую эпоху, но постоянно изменяющиеся в процессе поэтикомышления, «типы слов». Родившееся слово выражено сначала на языке, понятном одному лишь библиографу⁴⁰. Единственное, чем может располагать библиограф в данном случае, – это сохранившиеся библиографические тексты разных исторических периодов. Библиографическая интерпретация текстов позволяет увидеть, как в процессе библиографического мышления они распределены в сознании создателей (авторов), как в сравнительном и сопоставительном плане «типы слов» меняются с течением времени. На их основе библиограф создает собственный индивидуальный словарь. Он связан с уже существующим библиографическим языком, который образует «поэтико-библиографический словарь эпохи».

---

⁴⁰ Ср.: А. Блок говорил, что всегда начинает писать «на каком-то другом языке», и только потом переводит на русский. *«Некоторые стихи, – сознавался Блок собеседнику, – я так и недоперевел»* (Эткинд Е.Г. Разговор о стихах. М.: Изд-во «Дет. лит.», 1970. С. 134).

Элементы библиографического языка эпохи входят в мышление библиографа и становятся его практическим материалом вместе с присущими им смысловыми отношениями. Этот поэтический материал подвергается каждым библиографом индивидуальному отбору. Благодаря механизму свертывания библиографы хранят в себе образы стилей различных эпох. Этот механизм можно назвать «зародышем» библиографической мысли.

Библиографическое восприятие текста представляет собой рефлекторную деятельность. Она осуществляется нервной системой под воздействием чтения и заключается в получении информации, ее обработке и возможном использовании. Важную роль при библиографическом анализе текста играет индивидуальный практический опыт библиографа. Именно опыт восприятия близких по тематике стилей первичных документов создает у библиографа механизм предвосхищения. Таким образом, у него складывается свой собственный словарь библиографических цитат. Ассоциации, которые рождаются в процессе чтения, могут быть связаны с определенным временем, местом. Эти случайно приобретенные ассоциации носят исключительно личный характер.

Если кратко охарактеризовать основные стадии данного творческого процесса, то, следуя В.П. Зинченко, назовем следующие:

1. Возникновение темы. Первоначально рождается чувство необходимости начать работу, которое мобилизует творческие силы.

2. Восприятие темы, анализ ситуации, осознание проблемы. На этой стадии создается целостный образ (модель) проблемной ситуации.

3. Работа над изучением и решением проблемы. Примером может служить представление новых вариантов модели проблемной ситуации, которые отличаются от исходной.

4. Возникновение идеи (инсайт). Сколько-нибудь содержательное описание идеи отсутствует, и ее природа остается неясной.

5. Исполнительная, в сущности, техническая стадия, не требующая особых пояснений⁴¹.

Выделенные стадии творческого процесса весьма условны. Вместе с тем, думается, они интересны, потому что в них как бы естественно пересекаются размышление, воображение, практический опыт, интуитивные действия. Все это связано и направлено на решение проблемы, на ее конкретизацию.

Теперь обратимся к размышлениям об интеллекте и интуиции А.А. Ухтомского: *«Ум в нас есть высшее и единственное зрение истины, вещей и бытия... постоянным элементом всякого высказывания оказывается не только то, что есть, но и то, что должно быть. И всякая человеческая истина наравне с тем, что есть, содержит утверждение и того, что должно быть. Она есть преобразование того, что есть, в то, что должно быть»*⁴². И здесь, вслед за В.П. Зинченко мы оцениваем предложенную характеристику как *«замечательный переход к этике, нравственному суждению, которые являются частными случаями перехода от того, что есть, к тому, что должно быть. Соответственно, и развитие мышления не может происходить вне этического контекста»*⁴³.

А.А. Ухтомский ввел принципиально важное понятие «интуиция совести», которое он рассматривал как таинственный и судящий голос внутри нас, собирающий унаследованные впе-

---

⁴¹ Зинченко В.П. Наука о мышлении // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 9–10.

⁴² Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыб. подворье, 1997. С. 125–126.

⁴³ Зинченко В.П. Указ. соч. С. 13.

чатления от жизни рода⁴⁴. Вне интуиции, какой бы она не была, невозможно никакое мышление. А.А. Ухтомский считал ее дологическим аппаратом, который раньше, принципиальнее, первоосновнее, чем буква. Под интуитивным аппаратом он понимал чуткость, наблюдательность и включал в него совесть.

Таким образом, и интуиция, и совесть представляют собой функциональные органы индивида, каждый из которых является временным сочетанием сил. Интуиция совести есть переплетение, интеграл сил интуиции и совести. А.А. Ухтомский не только связал этику с интуицией совести, но и признал за интуицией совести права на проектирование действительности⁴⁵.

Вернемся к поэтико-библиографическому словарю. С учетом сказанного об интеллекте и интуиции обратимся к сбору информации для поэтико-библиографического словаря. Путем анализа чтения и отбора языковых элементов устанавливаются смысловые и ассоциативные отношения между ними. В процессе поиска составляется *устный индивидуальный поэтико-библиографический словарь*, который постоянно формируется библиографом в течение всей жизни. В него входят как известные смысловые структуры, так и ассоциации, возникшие случайно.

Библиографический текст представляет собой результат деятельности трех творцов: автора первичного документа, библиографа и читателя. Смыслов у него столько, сколько раз его прочитали и восприняли. Но есть еще один – тот, который был «заложен» автором.

В отличие от автора библиограф завершает свой творческий процесс не в одиночестве, а параллельно общаясь и с читате-

---

⁴⁴ Ухтомский А. Заметки на полях // Ухтомский А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996. С. 458.

⁴⁵ Зинченко В.П. Указ. соч. С. 14–15.

лями. Последние не только воспринимают его размышления, но и профессионально реагируют на них. Сегодня формы общения библиографа и читателя стали не только разнообразнее, но и сложнее. Из этого следует, что для развития библиографического мышления необходимо постоянно обновлять устный поэтико-библиографический словарь.

В заключение подчеркну, что обращение к исследованию библиографического мышления ведет к расширению рамок поэтико-библиографического словаря и повышает роль его логического компонента. Это позволяет однозначно говорить об эволюции библиографического мышления и о возможном видении будущего библиографии.

Пройдя через такого рода опыт, библиография становится живым родником книжной культуры. Об этом свидетельствуют выдающиеся библиографические памятники прошлого, которые имеют непреходящую ценность.

---

2. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДОМИНАНТЕ

2.1. Библиографическое мышление как ментальный ресурс народа

«Сопряжение далековатых идей»¹

Актуальность заявленной темы связана с тем, что в настоящее время в гуманитарном знании на основе историко-литературных исследований складывается теоретическая база по изучению культурно-исторических кодов европейских ли-

---

¹ Эта фраза с отсылкой к М.В. Ломоносову перешла из статьи Ю. Тынянова «Ода как ораторский жанр», который ссылается на «Краткое руководство...» в контексте анализа поэтического слова: «<...> связь или столкновение слов „далеких“ (по терминологии Ломоносова „сопряжение далековатых идей“; идея – слово в его конструктивной функции, слово развертываемое) создает образ» (Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 236). В действительности, в труде М.В. Ломоносова такой фразы «сопряжение далековатых идей» нет. Цитирую: «<...> должно смотреть, чтобы приисканные идеи приличны были к самой теме, однако не надлежит всегда тех отбрасывать, которые кажутся от темы далековаты, ибо они иногда, будучи сопряжены по правилам следующия главы, могут составить изрядные и к теме приличные сложенные идеи» (Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга I, содержащая риторику. § 27 // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 10 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. Труды по филологии. М.; СПб., 2011. С. 88).

тератур. В литературоведении и этнолингвистике накоплен значительный фактический материал по исследованию национальной идентичности в социокультурном пространстве². Это подтверждает тезис, автором которого явился американский футуролог Элвин Тоффлер: *«У каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану»*³. Если это так, если для каждой цивилизации существует своя «система правил или принципов», то человеческая сущность наиболее полно выражается в «образе мышления» народа, к которому человек принадлежит, в его мыслях, чувствах, эмоциях. При этом в передаче «образа мышления» мышление является главным механизмом, обеспечивающим речевое общение.

Перейдем к *«сопряжению далековатых идей»*. Будем исходить из того, что каждый народ обладает своеобразной системой категорий восприятия окружающего мира, совокупностью устоявшихся норм и ценностей, типом мышления, характером и образом жизни. Содержание этнической идентичности можно рассматривать как отражение ментальности, т.е. совокупности сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этнической традицией. Ведущими признаками этнической идентичности выступают язык, общее происхождение и совместное проживание⁴. Неповторимость, непо-

---

² См., напр.: Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков: коллективная монография / С.С. Акимов и др. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2016. 677 с.; Сагнаева У.Л. Концептосфера этнокультурной доминанты и методы ее изучения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 1. С. 31–39.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 94.

⁴ Степанова Г.С. Особенности этнической идентичности русских как отражение ментального ресурса общности // Ментальные

хожесть этнической идентичности проявляется и в культуре народа, понимаемой как исторически выработанный способ взаимодействия, которому присуща общая функция – служить средством человеческой и, в частности, библиотечно-библиографической деятельности. В результате взаимодействия формируется особая, свойственная лишь данной культуре, система организации элементов опыта. Надо заметить, что сами по себе элементы не всегда являются уникальными и повторяются во множестве других культур. В процессе развития этноса образ, в нашем случае, книжного мира может меняться, но неизменными остаются процессы библиографической деятельности. Они выполняют роль основных механизмов, с помощью которых происходит адаптация этноса к книжному миру. Образ книжного мира выступает объектом исследования, а предметом – библиографическое сознание той или иной этнической идентичности.

Чтобы судить о доминирующих подходах в национальном (немецком, французском, русском) и определить, что является характерным и нехарактерным для него, нужно встать на позицию, с которой рассматривают народы этих стран отношение к религии, слову, книге и в том числе к библиографии. Исторически сложилось так, что европейская книжная культура возникла на христианской культуре последних двух тысячелетий. Славяне приняли христианство из Византии, где она была

ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: материалы Третьего междунар. симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.). М., 2016. С. 371–376. См. также об этом: *Кольцова В.А.* Своеобразие русского философского мировоззрения и научного мышления как ментальный ресурс народа // Там же. С. 359–363; *Кабалоева Л.Б.* Этнокультурные знаки и этнокультурное мышление. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2015. 188 с.; *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // *Языковое сознание и образ мира: сб. ст.* М., 2000. С. 207–211.

религией государственной, и сразу получили государственный культ самодержавия. Это произошло на тысячу лет позднее романских и на четыреста лет позже германских народов.

Самое главное из этих следствий известно: для Западной Европы, для католической церкви культура – это условие существования, для православной России культура – постоянная цель. Католическая церковь объявила себя вселенской, главной, всеобщей; православная понимает себя как истинная, т.е. правильная. Различие важное, его последствия сказались и в этнокультурной доминанте⁵. «...*Западный человек*, – подчеркивает В.В. Колесов, – *по преимуществу номиналист, доверяющий опыту с вещью, а русский человек реалист, он полагает, что идея столь же реальна, что и вещь, и даже важнее вещи, потому что она способна породить множество конкретных вещей. С помощью Слова*»⁶.

Синтез для построения знаний об идее или о вещи происходит в культуре и науке, в частности в философии, социологии, культурологии. Синтез устремлен к слову, однако не к слову языка, а к концепту, в слове сокрытому. Эти искания отражены в библиографическом наследии народов мира, где проявляется этнокультурная идентичность каждой нации.

Национальное может репрезентироваться, т.е. обнаруживать себя не только в библиографическом языке, его стиле, но и в структуре и в результатах библиографической деятельности. Каким образом? Путем осмысления работы библиографа с материалом и выбором способа логического построения текста. Делается и изучается это уже не в процессе, а в статике методом анализа библиографического труда. В итоге библиографической деятельности получается результат, где комплексно отра-

---

⁵ Колесов В.В. Языки и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 45–53.

⁶ Там же. С. 51.

жена специфика этнокультурной доминанты. Примером такого библиографического труда является «*Bibliotheca Universalis*» – сочинение «швейцарского универсального гения» Конрада Гесснера (1545 г.). «Универсальная библиотека» представляет собой «сплав» этнокультурных идентичностей, каждая из которых есть проявление особенностей нации. К. Гесснер выступает в качестве носителя нескольких ментальностей, отраженных в сочинениях на латинском, греческом, еврейском языках⁷. *«Решаюсь сказать, – заключает К.Р. Симон, – новое, снабженное критическим аппаратом издание этого труда можно было бы приветствовать и в наше время. Такое издание было бы весьма полезным не только библиографам и библиотековедам, и даже не столько этим двум группам научных работников, но всем историкам западноевропейской культуры периода Возрождения»*⁸. Абсолютно разделяю мнение К.Р. Симона и сегодня – в XXI веке.

Для подобных исследований нужно найти звено, которое можно было бы определить как индивидуальное, реально существующее, без чего функционирование библиографического мышления не представляется возможным, и «вычислить» национальный компонент. В процессе библиографического мышления необходимо уметь прислушиваться к творческим особенностям нации, постоянно помнить о сложности задачи, поставленной перед библиографом. Поэтому чрезвычайно важно понимание библиографии как составной части интеллектуальной жизни нации, а не как обособленного ремесла. Там, где социальная функция является главенствующей, связь между библиографическим наследием и новым особенно прочна. Каждый новый

---

⁷ *Леонов В.П.* Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Изд-во «Европ. Дом», 2017. С. 112–118.

⁸ *Симон К.Р.* История иностранной библиографии. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. С. 127.

библиографический текст уже не автономный феномен, а вариант существующих. Другими словами, любое новое сочинение рождается в рамках существующей этнокультурной доминанты...

Библиографическое мышление не может быть универсальным, поскольку даже в рамках общеевропейской традиции является порождением культурного многообразия. У этносов, имеющих длительную историю, возникновение новых этапов развития библиографии, смена доминант происходит на основе осмысления прошлого. Все ценное становится материалом для новой доминанты. Следовательно, отбор и формирование корпуса библиографических текстов, подлежащих рассмотрению, является одним из важнейших методических приемов исследования. С помощью библиографической интерпретации различных периодов этнокультурной доминанты можно увидеть, как она распределена и изменялась с течением времени. По мере накопления этнического опыта происходит изменение и в сознании людей. Представления о доминанте тоже меняются. Происходят перемены и в библиографическом языке.

Анализ соотношения индивидуального и национального в библиографическом языке дает возможность описать национальный компонент. Новая этнокультурная доминанта формируется на основе разрушения и изменения прежней, создавая новые установки для смены устоявшихся стереотипов эпохи. Таким образом, смена доминанты служит предпосылкой перехода на другой виток развития культуры этноса.

Если мы с этим согласны, то тогда библиографическое мышление способствует усилению доминанты национально-го. Ее выраженность в библиографическом мышлении присуща всем, кто профессионально занимается библиографией. Доминанта должна «прочитываться», выбирая определенные стратегии исследования. Подобные попытки в истории национальной библиографии имели место.

2.2. Опыт репрезентации национального в западноевропейской библиографии

Этнокультурная доминанта характерна для большинства библиографических указателей. Она объективно будет проявляться в региональных и краеведческих указателях литературы, в биобиблиографических, в отраслевых и тематических библиографических работах по истории, литературе, географии, экономике, культуре, искусству, библиофильству и т.д. Но наиболее масштабно она концентрируется в национальной библиографии.

По определению И.В. Гудовщиковой и К.В. Лютовой – авторов учебника «Общая иностранная библиография» (М., 1978), *«национальной библиографией называется библиография, назначением которой является универсальный учет произведений печати какой-либо страны»* (с. 13). Основопологающими признаками ее возникновения были становление наций, рождение государств, формирование национального самосознания и потребности нации (наций) в выявлении и подытоживании национальных культурных достижений. Дополнительными факторами стали распространение книг на живых народных языках (немецком, французском, английском и других) и активное развитие книгопечатания.

Национальная библиография зарубежных стран стала объектом внимания отечественных ученых с 20-х годов XX века, когда в России началось преподавание курса «Иностранная библиография»⁹.

⁹ Малейн А.И. Краткий очерк истории иностранной библиографии. Л.: «Начатки знаний», 1925. 39 с.; Калишевский А.И. Иностранная библиография. М.: Публ. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1926. 56 с.; Куфаев М.Н. Иностранная библиография: Краткий очерк развития и современное состояние. М.: Гос. центр. кн. палата РСФСР, 1934. 276 с.; Симон К.Р. Иностранная общая библиография. М.: Гос. библи.-библиогр изд-во, 1941. 164 с.; Гудовщикова И.В. Вопросы биб-

Самый весомый вклад в разработку теории и истории зарубежной библиографии внес выдающийся ученый, крупнейший историк и книговед, доктор исторических наук К.Р. Симон (1887–1966). Его монография «История иностранной библиографии»¹⁰ получила высокую оценку международной библиографической общественности и признана единственной в своем роде. Она содержит значительный материал, который представляет интерес для изучения опыта репрезентации национального в зарубежной библиографии.

К.Р. Симон поставил задачей *«из всей массы библиографической продукции разных веков и народов ... остановить внимание читателя только на тех произведениях, которые являются, на его взгляд, наиболее значительными и типическими, таких, которые были наиболее показательными для эпохи их появления или таких, которые оказали заметное влияние на последующее развитие библиографии»*¹¹. В труде К.Р. Симона мы находим ряд важных наблюдений о специфике французских, английских, немецких и других библиографических трудов в контексте их исторического развития. Следуя положению Н.В. Здобнова, он *«...уделял преимущественное внимание начальным стадиям развития отдельных библиографических явлений, их росткам»*¹².

Рассмотрим в качестве иллюстрации некоторые из них. Так, характеризуя историю развития национальной библиографии во Франции – одной из самых передовых стран, К.Р. Симон

лиографии в Польской народной республике // Труды Ленингр. гос. библиотеч. ин-та им. Н.К. Крупской. Л., 1958. Т. 3. С. 247–273; Гудовицкова И.В., Лютова К.В. Общая иностранная библиография: учебник. М.: Книга, 1978. 224 с.

¹⁰ Симон К.Р. История иностранной библиографии. М.: Изд-во Всесоюзн. кн. палаты, 1963. 736 с.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же.

останавливает внимание на 10-томной «Литературной Франции» (1827–1839), оценивая ее как выдающееся явление. Составителем труда был превосходный знаток французской книги Жозеф Керар (Joseph Marie Quérard) (1797–1865). Основным объектом указателя стала литература на французском языке, независимо от места издания и национальности автора. Этнокультурная доминанта реализована через язык титульной нации. Будучи убежденным сторонником французских просветителей, Керар максимальное внимание уделил Вольтеру и Руссо. Особенно полно представлен Вольтер. Описаны все его издания и литература о нем, указаны многочисленные псевдонимы Вольтера, принята специальная систематизация по темам и идеологическим позициям («за Вольтера» – «против Вольтера»). Раздел об авторе открывается большим биографическим очерком. В общей сложности персоналия Вольтера насчитывает в десятом томе 182 страницы.

Особенность «Литературной Франции» заключалась в том, что в ней подытоживающая функция ретроспективной библиографии удачно сочетается с определенной выборочностью или функцией рекомендательной библиографии. Такой подход составителя можно определить как этнокультурный. Это потребовало от Керара дополнительной углубленной исследовательской работы. Были раскрыты псевдонимы и анонимы прогрессивных писателей XVIII века, писавших на французском языке. Проведена сравнительная сверка различных изданий одного и того же произведения. О каждом авторе приводятся точные биографические сведения. Указатель с момента его появления имел значительный успех. К.Р. Симон подчеркивает, что *«указатель сохранил на последующее столетие ценность основного библиографического справочника по литературе на французском языке»*¹³.

---

¹³ Там же. С. 351–355.

* * *

Исследуя историко-культурные предпосылки успешного развития библиографии в Германии, которая до конца XVII века оставалась экономически и культурно отсталой страной Западной Европы, и в которой длительное время сохранялась государственная раздробленность, К.Р. Симон выявляет главную причину – сознание национального единства всего германского народа. Вторым немаловажным фактором стало стремление к объединению германского издательского и книготоргового дела, которое завершилось созданием в 1825 году общегерманского Биржевого союза немецких книготорговцев.

Первым в ряду немецкой национальной библиографии стал «Всеобщий книжный словарь» книгоиздателя Вильгельма Хейнзиуса (Johann Wilhelm Immanuel Heinsius) (1768–1817)¹⁴. Однако важнейшие достижения германской национальной библиографии связаны с деятельностью фирмы Хинрихса (Hinrichs) и ее «Полугодовыми каталогами» (1798–1915). Эта фирма постепенно сумела создать систему библиографических указателей разной периодичности, которые органически дополняли друг друга и идеально функционировали в течение десятилетий как текущая национальная библиография. Они были главным источником для других знаменитых библиографических работ – многотомных Словарей Хейнзиуса и Кайзера, «Каталогов» Георга.

В 1912 году была создана Немецкая библиотека (Deutsche Bücherei), которая стала центром хранения всей германской книжной продукции, а также всех других изданий на немецком языке, вышедших за пределами Германии. На нее же была возложена реорганизация текущей национальной библиографии, *«которая перешагнула через границы книготорговой библиографии и поставила перед собой более широкие общекультурные задачи»*¹⁵.

---

¹⁴ Там же. С. 369–371.

¹⁵ Там же. С. 377–378, 402.

* * *

Интересными представляются суждения и оценки К.Р. Симона, которые он дает другим работам, не входящим в национальную библиографию. В неопубликованных в печати тезисах доклада «Искусство библиографа» (1951 г.) К.Р. Симон обращает внимание на выдающиеся старинные библиографии, в которых нашли отражение специфические особенности этнокультурного характера. Он называет это «чувством стиля» и продолжает: *«Не будет натяжкой сказать, что в „Библиотеке“ Винера, – в изукрашенности ее описаний, в приемах аннотирования и пр. можно найти отражение барокко, как в „Библиотеке“ Дебюра – французского классицизма. Современные зарубежные библиографии в большинстве случаев или вовсе лишены стиля или отражают... его внешнюю нарядность: таковы указатели Вильсона»*¹⁶.

Несмотря на тезисную форму изложения, К.Р. Симон точно охарактеризовал переход к отражению эпохи барокко в «Библиотеке» Винера. Библиограф барокко пришел на смену «универсальному» человеку Возрождения¹⁷. *«Эта была эпоха, – отмечал академик Н.И. Конрад, – когда Средние века в последний раз громко, грозно и величественно заявили о себе – и уже особым голосом»*¹⁸. Отсюда и изукрашенность в «Библиотеке» ее описаний, и выбор приемов аннотирования.

Таким образом, в «Библиотеке» Дебюра («Поучительная библиография» Дебюра Младшего) К.Р. Симон увидел отражение другой этнодоминанты – французского классицизма, а американские Указатели Вильсона (Х.У. Уилсон) «Cumulative

---

¹⁶ Цит. по: *Леонов В.П.* Библиография как профессия. М.: Наука, 2005. С. 51.

¹⁷ *Гудимова С.А.* Принцип отражения в поэтике барокко // Культурология: Дайджест / РАН, ИНИОН. М., 2017. № 4. С. 6–19.

¹⁸ *Конрад Н.И.* Избранные труды. История. М.: Наука, 1974. С. 266.

book index», по его заключению, *«вовсе лишены стиля или отражают лишь его внешнюю нарядность»*.

Итоги развития библиографии и ее особенностей подводит библиография библиографии. Раскрывая мир библиографической литературы, библиография библиографии представляет собой модель библиографии первой степени. Сущность, назначение, возможности библиографии библиографии были глубоко обоснованы ведущим библиографоведом И.В. Гудовщиковой в докторской диссертации. С помощью библиографии библиографии можно вскрывать структуру, свойства, особенности, взаимосвязи, динамику и закономерности развития библиографии первой степени. Моделирование библиографических явлений позволяет не только познавать и понимать их, но и создает возможность прогнозирования библиографических процессов¹⁹.

В заключительной главе монографии К.Р. Симона содержатся материалы по изучению этого вида библиографии. Объясняя длительный перерыв в развитии библиографии библиографий в начале XVIII в., он ссылается на американского историка Арчибальда Тейлора – автора «Истории библиографий библиографий» («A history of bibliographies of bibliographies»), который в качестве самой главной и общей причины указывает на *«изменения в умственном климате, происшедшие около 1700 г.»* и продолжает: *«на что бы мы не смотрели, повсюду мы находим коренные изменения, и переходом библиографической традиции есть только внешний признак этих изменений»*²⁰.

В библиографии библиографии К.Р. Симон различает три направления:

---

¹⁹ Гудовщикова И.В. Универсальная библиография библиографии. История, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. .... докт. пед. наук. М., 1977. С. 28.

²⁰ Цит. по: Симон К.Р. Указ. соч. С. 664.

- библиография библиографии международного охвата;
- библиография библиографии по отдельным странам;
- библиография национальной библиографии.

Все направления получили в XIX–XX вв. достаточно плодотворное развитие и представлены работами выдающихся деятелей книги и библиографии. Например, это «Всеобщий библиографический репертуар» (1812 г.) знаменитого французского книговеда и библиографа Габриэля Пеньо (Gabriel Peignot); «Библиографическая библиотека» (1866) библиотекаря при саксонском дворе в Дрездене Юлиуса Петцхольдта (Julius Petzholdt); «Руководство по библиографии» (1936) главного библиотекаря Немецкой библиотеки Георга Шнейдера (Georg Schneider); «Мировая библиография библиографий» (1939–1956) английского библиографа Теодора Бестермена (Theodore Besterman) и другие.

Этнокультурная доминанта присутствует в каждом из трех направлений и особенно наглядно в жанре путеводителя. Для примера сошлюсь на трехтомный труд Луизы-Ноэль Мальклес (Louise-Noëlle Malclès) (1899–1977) «Источники библиографической работы» (1950–1958), который К.Р. Симон оценил очень высоко. Составитель этого указателя – известный французский библиограф, главная хранительница универсальной библиотеки в Париже. За заслуги в области библиографии Л.-Н. Мальклес была награждена орденом Почетного легиона. *«Если сравнивать его с другими аналогичными трудами, – отмечает К.Р. Симон, – то нужно признать большие преимущества „Источников“... Само собой разумеется, французской литературе уделено предпочтение перед литературой на других языках... Предпочтение, оказанное французской литературе, не повлияло на полноту информации об иностранных литературах, и, например, немецкая представлена в „Источниках“ достаточно полно и удачно по отбору. Советский биб-*

лиограф не может не отметить, что разделы, посвященные СССР, отличаются относительной полнотой и свидетельствуют о хорошем знакомстве с материалом... Литературное оформление... весьма удачно... „Источники библиографической работы“ Мальклес свидетельствуют о высокой библиографической культуре современной Франции»²¹.

Добавлю к сказанному К.Р. Симоном об «Источниках» существенное замечание И.В. Гудовщиковой²². Путеводитель Мальклес, отмечает Ирина Васильевна, охватывает очень большой для изданий этого типа материал – 20 тыс. названий. Первый том (1950 г.) посвящен общей библиографии; обе книги второго тома (1952 г.) – гуманитарным и общественным наукам; третий том (1958 г.) – естествознанию и технике. Автор «Источников» чрезвычайно расширила круг рассматриваемых стран, впервые обратив особое внимание на славянские и балканские. Она привлекла к участию в своей работе французских и зарубежных библиографов, а также ученых разных областей знания. Координация и кооперация в библиографическом деле как в национальном, так и международном масштабах – вот требование, которое Мальклес выдвигает в своих пособиях по библиографии библиографии. Ее труд является целостным, проникнутым единым замыслом, единым пониманием библиографии и ее задач. Таким образом, жанр путеводителя позволил выявить национальные компоненты через призму библиографических ресурсов.

Подведем некоторые итоги. Успешное развитие библиографии библиографии в XIX–XX веках свидетельствовало о том, что за долгие столетия своего существования библиография

---

²¹ Симон К.Р. Указ. соч. С. 702–703.

²² Гудовщикова И.В. Библиографическое творчество Л.-Н. Мальклес // Библиотековедение и библиография за рубежом. М., 1972. Сб. 40. С. 68–83.

прошла большой путь, накопила много ценных библиографических справочников и опыт их составления. Формировавшееся национальное самосознание превратило библиографию в источник прославления родного народа и его языка. Этнокультурная доминанта получила убедительное библиографическое отражение в каждой западноевропейской стране.

2.3. Источники репрезентации национального в этнокультурной доминанте России

Для изучения истории библиографического мышления в этнокультурной доминанте России необходимо иметь в виду, что отечественная библиография развивалась под влиянием западноевропейской культуры. Книгопечатание в странах Западной Европы началось более чем на столетие раньше, чем в России. Следовательно, накопление книжных богатств и осознание потребности их библиографирования различаются по времени возникновения.

В России развитие книжного дела и после начала книгопечатания имело свои национальные особенности. Первый раз они проявились в XVI в. как результат деятельности московской анонимной типографии и типографии Ивана Федорова; второй – в первой четверти XVIII в. в связи с созданием Петром I Библиотеки, Академии наук и типографии. Зарубежные ученые (немецкие, французские, голландские), находясь на службе в России, оказали положительное влияние на отечественную библиографическую практику²³. С учетом национальных особенностей шло и формирование этнокультурной доминанты.

---

²³ См. об этом: *Мыльников А.С.* Книговедение и культура // Книга: исследования и материалы. 1989. Сб. 57. С. 5–16; *Беспалова Э.К.* Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.).

Богатейший фактический материал по ее изучению содержится в комментированном издании монографии выдающегося ученого Н.В. Здобнова «История русской библиографии от древнего периода до начала XX века»²⁴.

«... В настоящей работе, – пишет в предисловии Н.В. Здобнов, – я рассматривал процесс развития русской библиографии... в связи с историей общественной жизни и классово-борьбы. Мне хотелось не только проследить смену и чередование библиографических фактов и явлений, но и выявить их внутреннюю связь, тенденции, закономерность и скачкообразность библиографического движения, его обусловленность причинами, лежащими как в пределах самой библиографии, так и вне ее, в различных явлениях литературной, научной и общественно-политической жизни. <...> в этой книге наибольшее внимание уделяется начальным стадиям развития отдельных библиографических явлений (их росткам). По этой причине ряд явлений не прослеживается детально до конца...» (с. 5).

«История русской библиографии...» создавалась в 1930-е годы и неизбежно несла на себе отпечаток своего времени. Комментированное издание (2012 г.) дает возможность более полно проследить зарождение и развитие национальной проблематики и специфики русской библиографии. Отмечу некоторые характерные черты.

Н.В. Здобнов (прежде всего, благодаря труду Н.К. Никольского «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря...» (СПб., 1897)) рассмотрел явления древнерусской книжности, которые могут быть связаны с библиографией. Для периода XI–XVII вв. можно говорить не о полноценных библиографических

М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1994. 282 с.; *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России: Роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. 415 с.

²⁴ *Здобнов Н.В.* История русской библиографии от древнего периода до начала XX века: Коммент. изд. / под ред. Н.К. Леликовой и М.П. Лепехина. М.: ООО «Русское слово-учебник», 2012. СХLVIII, 1392 с.

работах, а о таких, которые наделены учетными, а в некоторых случаях – рекомендательными функциями.

С петровского времени (XVIII в.) рукописная книга потеряла свою прежнюю активную роль в русской образованности. Она была вытеснена печатной книгой. При Петре I зарождаются базовые виды библиографии: отчетно-издательская библиография, государственная библиографическая регистрация, книготорговая библиография и библиотечная библиография; создается первое государственное книгохранилище; ставится вопрос об обязательном экземпляре и о репертуаре русской книги.

Выделю отдельные исторические факты, которые характеризовали отношение Петра к книге, библиотеке, библиографии и которые способствовали формированию этнокультурной доминанты в России:

– *1684 г.* Увидев патриаршую библиотеку в большом беспорядке, Петр «прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова». Затем повелел библиотеку привести в порядок, сделать ей опись и передать на хранение Н. Зотову за царской печатью.

– *1691 и 1720 гг.* Два больших Евангелия в серебряных и позолоченных окладах подарил библиотеке Киево-Печерской лавры.

– *1696 г.* Приказал «все книги собирать и держать в Посольском приказе в бережении и записать для ведома в книгу».

– *1711 г.* Посетив Кенигсберг, был восхищен Кенигсбергской (Радзивилловской) летописью и повелел изготовить с нее копию для своей библиотеки. (И оригинал, и копия в стиле XVIII в. хранятся в Рукописном отделе БАН.)

– *1718 г.* Получил известие о разрушительном пожаре в библиотеке Киево-Печерской лавры, в которой, в частности, хранились рукописи библиотеки Софии Киевской. «Когда достигла об этом весть Петра I, то он не мог не прослезиться».

– 1720 г. Петром I было повелено губернаторам, вице-губернаторам и воеводам пересмотреть и снять копии со всех имеющихся в монастырях и соборах оригинальных «куриозных» (редких в историческом смысле) грамот, писем и исторических рукописных и печатных книг и те переписанные книги прислать в Сенат.

– 1720 г. Собирая материалы для истории Русского государства, Петр хотел познакомиться с древнейшей из сохранившихся русских книг и приказал: «книгу Евангелие, писанное на пергаменте, которой 560 лет, отправить в Питер-Бурх». С великой осторожностью книгу запаковали и на санях привезли из Москвы в столицу. Это было «Остромирово Евангелие» 1057 г. (С 1806 г. оно хранится в Императорской публичной – ныне Российской национальной библиотеке).

– 1722 г. Петр I издал указ о пересылке в Москву в Синодскую контору из всех епархий и монастырей древних церковных и гражданских летописей и хронографов, причем обещалось, что по снятии копий подлинники будут отосланы обратно.

– 1723–1724 гг. Составление по повелению Петра I каталогов московских основных книгохранилищ, из которых были изданы в 1723 г. каталоги древних греческих и славянских рукописных книг синодальной и типографской библиотек с посвящением издания Петру.

– 1724 г. Открытие «Публичной Всенародной библиотеки» В.А. Киприанова. Петр поставил условия: пользование библиотекой бесплатное и чтобы в ней был «алфавет с нумерами» «для скорого прииску» книг.

Действия царя во всех этих эпизодах выразительны своей уместностью и подчиненностью библиотечной теме²⁵.

---

²⁵ Леонов В.П. Указ. соч. С. 90–91.

Вернемся к книге Н.В. Здобнова. *«До открытия Московского университета (1755), – подчеркивает автор, – Академия была единственным научным и культурным центром обновленной Петром I России. И только при Академии наук велась библиографическая работа»* (с. 45).

Помощник библиотекаря Академии наук А.И. Богданов составил указатель русских печатных книг как приложение к своему труду «Краткое ведение и историческое изыскание о начале всех азбучных слов» (1755). Этот указатель явился первым репертуаром русской книги, ее доминантой с начала книгопечатания. «Репертуар» стал прообразом будущей ретроспективной национальной библиографии России, хотя, к сожалению, остался в рукописи. Его достоинство состоит в том, что литература впервые систематизирована не по алфавиту, а по типографиям. Это имело важное значение для изучения истории книгопечатания и подчеркивало культурно-историческую точку зрения составителя на книгу и библиографию.

Н.В. Здобнов обращает внимание на то, что уже во второй половине XVIII века в России начинает возрастать сопротивление «офранцуживанию» и «онемечиванию» русского дворянства. *«Эта реакция усилилась в первые десятилетия XIX века, особенно под влиянием патриотизма, пробужденного отечественной войной»*²⁶.

Нарастает интерес к русской истории, русской старине, коллекционированию древних рукописей и старопечатных книг, составлению каталогов этих документов. Инициаторами нового движения выступили: граф Н.П. Румянцев (основатель Румянцевской библиотеки, ныне РГБ), историк П.М. Строев, библиографы В.М. Ундольский, И.П. Сахаров, А.Х. Востоков. Последний подготовил обширный труд «Описание русских и

---

²⁶ Здобнов Н.В. История русской библиографии: конспект курса. М., 1940. С. 18.

славянских рукописей Румянцовского музеума» (СПб., 1842), разработав к тому же более совершенные методы описания документов. Этот этап в развитии отечественной библиографии Н.В. Здобнов определяет как славяно-русский, который обогатил русскую науку и библиографию многими ценными трудами. Этнокультурная доминанта России после XVIII века получила в XIX веке новый импульс развития.

В последующие десятилетия XIX века изменившиеся общественно-политические условия, развитие народного образования, наук, книгопечатания, книжной торговли, в дальнейшем – зарождение капитализма в России, поиски внутренних и внешних рынков сбыта, переселенческое движение населения из центральных губерний в необжитые районы Сибири и Дальнего Востока послужили важными факторами бурного развития библиографии.

Этнокультурная доминанта проявляется в том, что оформляется отечествоведение (краеведение), в результате чего первое место в библиографических трудах отводится истории, этнографии, истории русского права, географии; составляется и издается множество различных краеведческих указателей.

Появляется плеяда замечательных русских библиографов: Н.Н. Бантыш-Каменский, Дамаскин (Д.Е. Семенов-Руднев), Н.И. Новиков, В.Г. Анастасевич, П.И. Кеппен, Г.Н. Геннади, М.М. Лонгинов, В.С. Сопиков, В.И. Межов, А.Н. Неустроев, Н.М. Лисовский, С.А. Венгеров и другие.

Самым ярким представителем библиографии первой четверти XIX века был книгопродавец, библиотекарь и библиограф Василий Степанович Сопиков (1765–1818), который не только задумал, но и частично осуществил издание знаменитого «Опыта российской библиографии» (ч. I–V. СПб., 1813–1821) как репертуара русской книги. Хотя в нем были многочисленные пропуски и другие недостатки, «Опыт», по оценке

Н.В. Здобнова, «...остается одним из самых выдающихся памятников и до сих пор незаменимым трудом по русской национальной библиографии»²⁷. Важно подчеркнуть, что в «Предупреждении» к «Опыту» Сопиков говорил о библиографии как «о существенной части истории народного просвещения».

В конце XIX века одним из наиболее авторитетных библиографов, первым библиографом-профессионалом был Владимир Измайлович Межов (1831–1894). Его труды отражали успехи «буржуазной» библиографии в период ее расцвета. Необычайно энергичный и продуктивный, он стал составителем многотомных указателей по русской истории, географии, этнографии, статистике, литературе и краеведческих указателей, охвативших большой восточный регион (Азия, Туркестан, Сибирь). Во всех этих библиографических работах прослеживается стремление к познанию «особых путей» развития России.

Чрезвычайно популярными становятся биобиблиографические словари. Появляется большое количество работ об отдельных писателях и ученых и несколько капитальных биобиблиографических словарей. Первым из них был «Опыт исторического словаря о русских писателях» Н.И. Новикова (1772), в котором составитель стремился собрать имена всех деятелей литературы без отбора по классовым признакам. В результате в форме словаря были представлены успехи русской науки и литературы за весь период, который предшествовал «Опыту...». В этом большое патриотическое значение труда Н.И. Новикова. Он лег в основу всех последующих русских биобиблиографических словарей.

Составляются фундаментальные биобиблиографические словари профессоров и преподавателей почти всех российских университетов (причем, по каждому университету отдельно), словари действительных членов Академии наук и других на-

---

²⁷ Здобнов Н.В. Указ. соч. С. 16.

учных и учебных заведений. Достоинство этих капитальных работ заключалось в использовании архивных материалов, послужных списков, отдельных автобиографических материалов.

По целому ряду губерний составляются краевые библиографические словари. Самыми известными трудами стали «Справочный словарь о русских писателях и ученых...» (т. 1–3, 1876–1908) выдающегося библиографа Григория Николаевича Геннади и «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» профессора Санкт-Петербургского университета С.А. Венгерова, который издавался в трех вариантах (1889–1915), но так и остался незавершенным из-за грандиозности замысла.

Труд Венгерова по своей цели и характеру был не столько библиографической, сколько историко-литературной работой. Он стремился создать энциклопедию русской образованности, используя для этого форму словаря. Это был своеобразный репертуар всего написанного русскими авторами. Определяющим моментом (критерием) служила принадлежность автора к русской культуре. Впервые в словарь вводилось множество автобиографий. Поэтому труд носил всеобъемлющий характер.

Таким образом, многочисленные словари (вместе взятые) объединили огромный биографический и библиографический материал для истории науки прошедших столетий. Особая ценность состояла в том, что они содержали большое число автобиографий, что подчеркивает их достоверность как первоисточников и позволяет прочитать доминанту национального.

В XX веке политическая и социальная борьба в России самым убедительным образом отразилась на развитии библиографии. Библиография перестает быть замкнутой, обособленной и приобретает новые черты. Во-первых, у библиографов

появилось стремление к объединению сил для коллективного выполнения работ, что выразилось в создании множества библиографических и библиотечных комиссий при научных организациях и обществах. Во-вторых, вопросы организации русской библиографии, ее упорядочение в различных областях науки, техники, общественной жизни стали объектом выступлений на всероссийских научных съездах и совещаниях, в частности, на Всероссийском съезде по библиотечному делу 1913 года.

Выход «Книжной летописи» (1907 г.) как источника текущей государственной регистрации печатных изданий России явился новым стимулом для библиографов XX века по созданию национального библиографического репертуара. Над «репертуаром» работал Московский библиографический кружок, преобразованный через год (1900) в Русское библиографическое общество при Московском университете. Кружок составлял картотеку как «Всеобщий систематический каталог русских книг». С большими трудностями она была подготовлена только к 1917 году (600 000 названий), но по разным причинам прекратила свое существование.

Этот пример из истории национальной библиографии наглядно показал невозможность выполнения крупной библиографической работы на общественных началах. Были и другие примеры деятельности библиографов-одиночек, когда каждый в отдельности наивно полагал самостоятельно решить задачу составления единого библиографического свода всех русских книг. Аналогичная ситуация наблюдалась и в развитии универсальной библиографии. История неудач в этой области свидетельствовала, что без реальных книжных фондов, коллективов квалифицированных библиографов и материальной поддержки государства создание национального библиографического репертуара невозможно.

Как пишет известный историк библиографии М.В. Машкова, «*история русской библиографии начала XX века в значительной степени есть история нереализованных проектов библиографических трудов*»²⁸. Наверное, этнокультурная доминанта могла стать более насыщенной, если бы труды были изданы, отразив связь библиографии с жизнью своего времени и своего народа.

* * *

В условиях советского времени общее состояние и развитие библиографии принципиально изменилось. Декрет 1920 г. «О передаче библиографического дела в РСФСР Народному комиссариату просвещения» подчеркнул государственный и многонациональный характер советской библиографии. Была создана Российская центральная книжная палата (1920 г.), которая сформировала систему текущей государственной библиографии.

Уже в 20-е годы неоднократно поднимался вопрос о создании капитальных указателей ретроспективной государственной библиографии, которая с 1980-х годов развивается как ретроспективная национальная библиография²⁹.

Важнейшими печатными трудами ретроспективной национальной библиографии СССР, подготовленными ведущими библиотеками (БАН, ГБЛ, ГПБ), стали указатели русской книги за XVIII век, указатели периодических изданий России и СССР (1901–1949)³⁰. Каждая книга, каждое периодическое из-

---

²⁸ Машкова М.В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М.: Книга, 1969. С. 475.

²⁹ Семеновкер Б.А. Ретроспективная государственная библиография СССР: справочник. М.: Кн. палата, 1990. 304 с.

³⁰ Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий, напечатанных при Петре I. В 3 т. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1955–1972; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. В 6 т. М.: ГБЛ, 1962–1975; Библиография периодических

дание описаны подробно и тщательно. Проведена постраничная сверка многих экземпляров, хранящихся в библиотеках. В описаниях сохранены орфография и пунктуация титульных листов книг. Большое внимание уделено примечаниям и аннотациям. Они дают сведения по истории издания, об авторе, о переводе, о содержании, о гравюрах, об особенностях экземпляра, о рукописных пометках на книгах, о цензурных преследованиях. В аннотациях к описанию указов приводятся сведения об участии Петра I в их составлении. Важно, что уточняется местонахождение книги в фонде конкретной библиотеки. Содержание библиографических работ сопровождается большим числом иллюстраций, гравюр, заглавных листов, отдельных страниц, а также автографов. Подбор иллюстраций дает хорошее представление об оформлении изданий прошлых столетий.

Таким образом, описанные в указателях книги и периодика содержали ценные сведения и богатейший материал для научной деятельности, для изучения книжной культуры в России и СССР. Этнокультурная доминанта была реализована в высшей степени успешно.

Особенностью национального библиографического репертуара в советский период времени стало его создание методом сводного каталога крупнейших библиотек страны. Хотя были определенные трудности в организации и координации работ, согласовании методики их подготовки, в относительной неполноте охвата материала, но главным достижением явилась абсолютная достоверность сведений о хранящихся документах (просмотр *de visu*).

изданий России. В 4 т. Л.: ГПБ, 1958–1961; Периодическая печать в России в 1917 году. Л.: ГПБ, 1987; Периодическая печать СССР. 1917–1949. В 10 вып. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1955–1963; Газеты СССР, 1917–1960: Библиогр. справ. В 5 т. М.: Книга, 1970–1984.

С 1970-х годов подготовка сводных каталогов – важнейшее направление деятельности РНБ в содружестве с РГБ и БАН. Она возглавила ряд проектов: «Русская книга гражданской печати XVIII в. в библиотеках России», «Сводный каталог сериальных изданий России, 1918–1926», «Международный сводный каталог русской книги, 1918–1926», «Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995)» и другие.

В конце 1970-х годов РНБ совместно с РГБ и БАН приступила (уже не в первый раз) к двум масштабным проектам по библиографированию русской книги XIX века. Об этих и других интереснейших проектах, полученных результатах обстоятельно и подробно изложено в докторской диссертации и монографии авторитетного книговеда, заведующего сектором сводных каталогов РНБ Е.К. Соколинского³¹. Особенно высоко Е.К. Соколинский оценивает качество «Международного сводного каталога русской книги, 1918–1926» (МСК), вышедшего уже в 7 томах (2002–2017). Параллельно с печатным изданием была подготовлена электронная версия, размещенная на сайте РНБ. Этот каталог стал моделью национального каталога – репертуара нового типа. При его подготовке максимально использованы современные технологии, что позволило впервые представить единый пласт национальной культуры: государственное книгоиздательство, книга русского зарубежья и книга «белого движения».

Е.К. Соколинский обращает внимание на то, что деятельность сектора сводных каталогов РНБ при подготовке реперту-

---

³¹ *Соколинский Е.К.* Сводные каталоги как основная форма национального репертуара печати Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. пед. наук. СПб., 2008. 32 с.; *Соколинский Е.К.* Проблемы национального репертуара печати и сводных каталогов Российской Федерации. СПб.: РНБ, 2007. 400 с.

арных пособий носит в значительной степени исследовательский характер. В частности, в процессе составления именного указателя к МСК было сделано много уточнений и даже библиографических открытий. Раскрытие псевдонимов, криптонимов позволило обнаружить новые труды авторов, которые отсутствовали в базе данных.

Много историко-филологических проблем возникало при работе над «Сводным каталогом сериальных изданий». К примеру, специального расследования потребовал первый российский журнал карикатур («Журнал карикатур на 1808 год» художника А.Г. Венецианова) и место его хранения. Ошибочными оказались сведения о том, что он находится в Отделе эстампов РНБ. На самом деле, иллюстрации сначала хранились в Государственном Эрмитаже, а потом были переданы Государственному Русскому музею³².

Безусловно, деятельность сектора сводных каталогов РНБ представляется и многообразной, и плодотворной.

Необходимо отметить, что национальная библиография сегодня существует как в виде сводных каталогов, каталогов-репертуаров, так и собственно библиографических ресурсов в печатной и электронной форме. Компьютеризация большинства российских библиотек в XXI веке позволила перевести эту работу на качественно иной уровень. Новые технологии максимально увеличили охват фондохранилищ и оперативное их использование. Стало возможным пользоваться готовыми базами данных и пересылать их для сверки и дополнения через Интернет. В этих условиях этнокультурная доминанта получила возможность многоаспектной реализации.

---

³² Соколинский Е.К.: 1) Сводные каталоги в РНБ // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2015. Вып. 13. С. 86–105; 2) Национальные сводные каталоги как фактор раскрытия культурного наследия // Вестн. СПбГУКИ. 2017. № 3 (32). С. 79–83.

На современном этапе национальная библиография, ее содержание, границы, принципы формирования широко исследуются³³. Актуальность ретроспективной национальной библиографии в постсоветской России объясняется рядом причин. Произошли глубокие политические, идеологические, социально-экономические преобразования, которые подчеркнули равное достоинство культур всех народов и активизировали процесс духовного возрождения народов, населяющих Россию. Усилилась самостоятельность регионов, появился интерес к своей истории, забытым именам и традициям. Возросло значение книги и других документов как ценнейших памятников духовной и материальной культуры народа. Многие библиотеки федерального и регионального уровней получили статус национальных библиотек, что повысило их ответственность перед титульным народом (народами) за сохранение национальной книжной культуры. Началась активная деятельность библиотек по созданию текущей и ретроспективной национальной библиографии. Сегодня система ретроспективной национальной библиографии – многоуровневое и многоаспектное образование.

Выделяют два основных уровня – федеральный (общероссийский) и региональный (субъектов РФ), а также несколько признаков, по которым формируется ретроспективная национальная библиография:

---

³³ *Левин Г.Л.* Национальная библиография Российской Федерации: проблемы теории и практики. М.: Пашков дом, 2014. 287 с.; *Левин Г.Л.* Ретроспективная национальная библиография России. М.: Пашков дом, 2006. 351 с.; *Леликова Н.К.* Ретроспективная библиография в РНБ // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. 13. С. 81–85; *Маслова А.Н.* Национальная и краеведческая библиография: теория и практика // Маслова А.Н. Краеведение и библиотека. СПб., 2010. С. 294–331; *Лиховид Т.Ф.* Национальная библиография: Теория и практика // Российское библиографоведение: Итоги и перспективы: сб. науч. тр. М., 2006. С. 585–614.

- *территориальный* (учет документов, выпущенных на территории того или иного государства);
- *языковой* (учет документов на языках коренных национальностей);
- *авторский* (учет документов, созданных представителями этноса, независимо от языка и места проживания);
- *народоведческий* (учет документов о государстве (народе), вышедших за его пределы, т.е. «экстериорика», «патриотика»).

В развитии ретроспективной национальной библиографии положительную роль сыграли разработанные в свое время документы³⁴.

В начале 2000-х годов усилиями двух крупнейших библиотек России (РГБ и РНБ) были подготовлены новые документы: «Положение» и «Программа развития ретроспективной национальной библиографии Российской Федерации» (на период до 2010 г.), а далее – аналогичная «Программа...» (2014) на период до 2020 года.

В «Положении...» были определены основополагающие понятия, принципы и объекты учета документов, юридические и правовые аспекты создания ресурсов ретроспективной национальной библиографии, уточнены организационные особенности. Главной особенностью «Программы...» стала организационная децентрализация, при которой участие в создании национальных библиографических ресурсов должны принимать не только федеральные и региональные библиотеки, но и другие учреждения различных ведомств. Всего в «Програм-

³⁴ Положение о ретроспективной общей библиографии произведений печати, изданных в союзных и автономных республиках СССР за годы советской власти; Положение о ретроспективной общей библиографии произведений печати, изданных в союзных и автономных республиках СССР за дореволюционный период // Совет. библиография. 1966. № 1. С. 53–63.

му...» было включено 95 отдельных библиографических проектов и 71 проект успешно реализован³⁵.

Новая «Программа» 2014 года имеет принципиальное отличие в том, что предложено объединить с переходом на электронные технологии проекты как текущей, так и ретроспективной национальной библиографии. По сведениям Г.Л. Левина, базисные библиографические ресурсы России на сегодня составляют 229 названий³⁶.

* * *

Особое место в подведении итогов развития русской библиографии принадлежит библиографии библиографии. Этнокультурная доминанта находит здесь отражение в концентрированном виде.

Накопление русской библиографической литературы вызвало потребность в составлении библиографии библиографии еще в начале XIX века. Одной из первых завершенных работ был систематизированный аннотированный указатель Г.Н. Геннади «Литература русской библиографии» (1858), включивший более 500 названий с 1710 по 1858 г.

Долгое время библиография библиографии развивалась по инициативе отдельных ученых, любителей книги и библиографии. В ее истории наиболее известными являются работы Н.Ф. Бокачева, А.Е. Яновского, Н.М. Смирнова, Н.М. Лисовского, Д.В. Ульянинского, которые представляют собой или каталоги собственных библиотек, или статьи для энциклопедий.

---

³⁵ *Леликова Н.К.* Ретроспективная национальная библиография в РНБ // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2015. Вып. 13. С. 83–85; *Левин Г.Л.* Национальная библиография Российской Федерации: проблемы теории и практики. М.: Пашков дом, 2014. С. 8–9.

³⁶ *Левин Г.Л.* Указ. соч. С. 248–273.

Систематический характер эта деятельность приобрела только в 30-е годы XX века, когда при ГПБ был создан Консультационно-библиографический отдел и выделена специальная группа библиографов. По инициативе руководителя группы, видного деятеля библиографии Ю.А. Меженко был разработан проект «Библиография русской библиографии». Работа была рассчитана на двадцать лет, но реально растянулась на многие десятилетия. В 1940–1950-е годы были созданы первые ценные труды М.В. Сокуровой и М.В. Машковой, содержавшие подробные сведения о значительном количестве библиографических указателей книг и периодики³⁷.

В 60-е годы и последующие десятилетия на ГПБ были возложены функции главного координатора библиотек страны по составлению пособий библиографии библиографии и создано специальное научно-методическое объединение. Под руководством крупного библиографа Б.Л. Канделя были успешно осуществлены важные проекты и решения. В частности, знаковыми изданиями Библиотеки стали универсальные справочные пособия-путеводители в помощь научной работе И.К. Кирпичевой³⁸ и Е.В. Иениш³⁹. За ними последовали фундаментальные

---

³⁷ *Сокурова М.В.* Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708–1955: аннот. указ. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1956; *Сокурова М.В., Машкова М.В.* Общие библиографии русских периодических изданий 1703–1954 и материалы по статистике русской периодической печати: аннот. указ. Л., 1956; *Андреева Н.Ф., Машкова М.В.* Русская периодическая печать: (общие и отраслевые библиогр. указ., 1703–1975): аннот. указ. М.: Книга, 1977.

³⁸ *Кирпичева И.К.* Библиография в помощь научной работе: метод. справ. пособие / ГПБ. Л., 1958. 480 с.

³⁹ *Иениш Е.В.* Библиографический поиск в научной работе: справ. пособие-путеводитель / ГПБ. М.: Книга, 1982. 247 с.

указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий за 1755–1995 гг.⁴⁰

К этому перечню изданий необходимо добавить не имеющие аналогов указатели к содержанию газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (СПбВ) XVIII века, подготавливаемые сотрудниками Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки РАН. Газета начала издаваться Академией наук в 1728 г. и выходила до 1917 г. Параллельно с русским изданием СПбВ с 1727 г. выходило немецкое, а в 1756–1759 гг. – французское.

Газета СПбВ – ценный источник для изучения отечественной истории. На ее страницах нашли отражение разные стороны жизни России того времени: промышленность и сельское хозяйство, внутренняя и внешняя торговля, внешняя политика и войны, культура и просвещение и многое другое. Кроме того, СПбВ были городской газетой, ее страницы насыщены важными фактами по истории Петербурга⁴¹. Методика, позволившая создать нетрадиционные библиографические указатели, была разработана сотрудником БАН М.И. Фундаминским.

---

⁴⁰ Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий, 1755–1970 гг. / Ю.И. Масанов, Н.В. Ниткина, З.Д. Титова; ГПБ. М.: Книга, 1975. 438 с.; Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий, 1971–1985 гг. / ГПБ; сост. Н.В. Ниткина, ред. Г.В. Михеева. Л., 1987. 175 с.; *Ниткина Н.В.* Русская периодическая печать. Указ. содержания. 1728–1995. СПб., 1998. 799 с.

⁴¹ К настоящему времени вышли из печати указатели к содержанию газеты за 1774 г. (Л., 1987), 1728–1731 гг. (Л., 1987), 1732–1735 гг. (Л., 1989), 1736–1740 гг. (Л., 1990), 1741–1745 гг. (Л., 1991), 1746–1750 гг. (Л., 1991), 1751–1755 гг. (СПб., 1992), 1756–1760 гг. (СПб., 1994), 1761–1765 гг. (СПб., 2001), 1761–1770 гг. (СПб., 2005).

В 1990-е годы РНБ вновь приступила к работе над серией «Библиография русской библиографии». Была поставлена задача отразить репертуар отечественных библиографических пособий за 1917–1945 гг. Тем самым удалось закрыть «белое пятно» в ретроспективном национальном учете библиографической продукции. В подготовленных изданиях отражены сведения о более чем 7000 библиографических пособий⁴². Впервые создана полноценная источниковая база для изучения истории русской библиографии. РНБ активно реализует и другие масштабные, в частности, отраслевые проекты в этом направлении⁴³.

Как было уже отмечено в разделе 2.2., исключительно ценными по отражению этнокультурной доминанты представляются биографические и биобиблиографические словари. Учет русских изданий содержится в уникальном труде ведущего специалиста ГБЛ (РГБ) И.М. Кауфмана «Русские биографические и биобиблиографические словари» (М., 1958). Собран огромный и разнообразный материал более чем за двухсотлетний период начиная с 50-х годов XVIII века: словари универсального характера, профессоров и преподавателей учебных заведений, членов различных обществ и т.д. Отражены не только библиографические источники, но и сборники биографий. В аннотациях составитель стремился перечислить фами-

---

⁴² Библиография русской библиографии: указ. библиогр. пособий. Ч. 1. 1917–1921 гг. СПб.: РНБ, 2000; Ч. 2. 1922–1927 гг. СПб.: РНБ, 2005; Ч. 3. 1928–1933 гг. В 2-х вып. СПб.: РНБ, 2014.

⁴³ *Мамонтов М.А.* История библиографии библиографии в РНБ // Историко-библиографические исследования / РНБ. СПб., 2015. Вып. 13. С. 6–16; *Леликова Н.К., Ниткина Н.В.* Состояние и перспективы развития библиографии библиографии России как основы национального библиографического репертуара // Ретроспективная национальная библиография Российской Федерации. Современное состояние, проблемы и перспективы развития. СПб., 1999. С. 83–92.

лии лиц, включенных в тот или иной словарь. Указатель до сих пор является незаменимым пособием для исследователей русской науки и культуры.

Как продолжение этого труда, но на других методических принципах, можно рассматривать деятельность Справочно-библиографического отдела Библиотеки РАН по реализации проекта «Русские биографические и биобиблиографические словари и справочники, 1956–2000 гг.». В рамках проекта опубликованы тематические выпуски, посвященные участникам Великой Отечественной войны, а также отечественным деятелям науки и техники⁴⁴.

В выпуске «Участники Великой Отечественной войны на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников» авторы-составители ставили перед собой несколько задач: подготовить аннотированный библиографический указатель справочных изданий об участниках Великой Отечественной войны; многоаспектно раскрыть содержание информационного массива; аналитическими средствами выявить персональное наполнение. После просмотра *de visu* около 3000 книг из рабочей картотеки СБО БАН для указателя было отобрано 1271 издание. Это – книги на русском языке, посвященные участникам Великой Отечественной войны, вышедшие в период с 1956 по 2000 г. на территории СССР, а с 1991 г. – на территории Российской Федерации. Весь материал разделен на две части. Часть I – «Человек на войне», Часть II – «Вставай, страна огромная». Вспомогательный аппарат вклю-

---

⁴⁴ Участники Великой Отечественной войны на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956–2000 гг.): Ч. 1–2. СПб.: БАН, 2012. 1094 с.; Отечественные деятели науки и техники на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956–2000 гг.): Ч. 1–2. СПб.: БАН, 2014. 1994 с.

чает именной (авторский), административно-территориальный указатель, указатель заглавий, а также специальные военные указатели и именной (персональный) указатель.

В выпуске «Отечественные деятели науки и техники на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников» справочная биографика представлена тремя типами изданий: биографические и биобиблиографические словари и справочники; сборники биографий, биобиблиографические пособия (всего 1286 названий). Каждое библиографическое описание сопровождается аннотацией, в которой характеризуется объем, структура и качество биографических сведений, точное число персоналий, данные о наличии портретов. Указатель дополнен обстоятельным вспомогательным аппаратом. В частности, именной указатель включил более 155 000 имен. Данный библиографический труд стал результатом работы СБО БАН с середины 1990-х годов. Он предназначен не только для специалистов, а для всех, «кому дороги имена российских ученых настоящего и прошлого». Этнокультурная доминанта проявилась не только в репертуаре справочно-библиографических изданий о деятелях науки и техники, но и в перечне круга лиц, сведения о которых отразились на страницах этой сформировавшейся коллекции пособий.

С 2018 г. в электронном виде на сайте БАН доступен новый информационный ресурс, подготовленный сотрудниками СБО БАН, «Отечественные государственные, политические и общественные деятели». Он является частью проекта «Русские биографические и биобиблиографические словари и справочники, 1956–2000 гг.». В базе данных учтено более тысячи изданий коллективной биографики, опубликованных на русском языке на территории СССР / Российской Федерации и отражающих персоналии за время существования Российского государства (с IX по конец XX в.).

Завершая обзор истории развития ретроспективной национальной библиографии, можно утверждать, что ее российская модель как система сформировалась под влиянием ряда социально-политических факторов становления Российского государства, сложившихся традиций и накопленного опыта работы библиографов многих поколений. Этнокультурная доминанта повлияла на содержание и методические особенности значительного числа библиографических пособий.

В настоящее время библиографические ресурсы России, создаваемые библиотеками, переживают период активного перехода от традиционной рукописной, печатной или карточной формы к электронным формам. В их основе лежит электронная библиографическая запись. Однако и создание традиционных источников библиотеки будут продолжать неопределенно долго по экономико-материальным, технологическим и психологическим причинам. Поэтому этнокультурная доминанта в недалеком будущем будет реализована в необъятных масштабах.

* * *

Возвращаясь к нашей теме, мы можем прийти к выводу, что с учетом представленного материала по состоянию ретроспективной национальной библиографии дальнейшее изучение библиографического мышления и разработка проблем библиотечно-библиографической коммуникации получают новый импульс в рамках этнокультурной доминанты. Этнокультурная доминанта библиографического мышления проявляется во внутренних способах формирования мысли и является разновидностью невербального мышления. Психические ее характеристики проявляются в специфике интерпретации и понимания народом национальных особенностей. Выраженность этнокультурной доминанты присуща всей библиотеч-

но-библиографической деятельности, посредством которой психический склад национального переходит в порождаемые ими смыслы и тексты⁴⁵.

С рассмотренных выше позиций этнокультурной доминанты, во-первых, сфера интересов библиографического мышления оказывается весьма широкой; во-вторых, становится необходимым обсуждение многих теоретических проблем, часть которых остается нерешенной в рамках прежнего этнокультурного знания. Важно подчеркнуть, что требуется новый интерактивный подход к диалогу разных культур в рамках одного сознания. Механизм восприятия чужой культуры при таком подходе трактуется как «отклонение от нормы», т.е. от своей культуры. Это ведет к получению нового знания. А новые знания о чужой культуре создаются из старых знаний. Продолжение исследований этнокультурной доминанты будет вестись уже в русле интегративного подхода, в русле «*сопряжения далековатых идей*».

---

⁴⁵ См., напр.: *Крейденко В.С.* Роль библиотек в возрождении и развитии культуры народов России // Возрождение культуры народов России. СПб., 1997. Вып. 5: Книжно-библиотечное дело. С. 27–34; *Крейденко В.С.* Краеведческая составляющая библиотечно-библиографического обслуживания // Справочник библиотекаря. СПб., 2000. С. 162–167; *Гудкова И.Н.* Библиотека в культурном пространстве полиэтничного региона: территория гостеприимства (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. 168 с.; *Крейденко В.С.* Персона и память о ней – важный патриотический фактор культуры края и страны // Библиотечное обслуживание полиэтничного населения региона: сб. ст. / РНБ. СПб., 2005. С. 7–34; Проблемы межкультурных коммуникаций в содержании социогуманитарного образования: состояние, тенденции, перспективы: материалы междунар. науч. конф., Казань, 17–18 апреля 2008 г.: в 2 ч. / КГУКИ; сост. П.П. Терехов, науч. ред. Л.Е. Савич. Казань, 2008.

Поле библиографии перестает быть ничейным. Оно превращается в арену состязания доминирующих подходов каждой нации. Изучая таким образом библиографию, мы изучаем уже другое кодирование мира. Для исследователя начинает открываться главный библиографический ресурс: способность обогащать и изменять состояние человека, менять его отношение к миру и себе. Библиография формирует «систему координат» для развития личности, в которой открывается выход за границы собственного Я.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Воспользуемся стандартным для науки приемом, когда она начинает определять сферу своих интересов и деятельности с того, чем она – эта сфера – является.

Сфера библиографического мышления – это питательная среда, в которую погружен библиограф, это пространство, не поддающееся классификации, пространство без центра и дна, без конца и без начала – пространство со множеством входов и выходов, где встречаются возможные варианты выбора и решения задач. Поэтому изучение библиографического мышления не может не быть связано душевно, с действием, чувством, образом и словом. Каждое из них структурно содержит в себе и внешнее, и внутреннее. Слово, которое было в начале, прорывается в образы библиографа.

Акт погружения в сферу библиографического мышления представляет собой *чтение*. В процессе чтения библиограф как бы уходит от самого себя, делая однозначный выбор, принимая окончательное решение. Такое ощущение ведет к пониманию, которое прекрасно передал О. Мандельштам:

*«Мы только с голоса пойдем,
Что там царапалось, боролось,
И черствый грифель поведем
Туда, куда укажет голос»¹*

---

¹ Мандельштам О.Э. Грифельная ода // Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 2009. С. 135.

Что из этого следует? Предлагаю подумать читателю. Мои соображения таковы: используя опыт и методы психологии, библиографию и мышление можно рассматривать как «школу», где осуществляется *союз души и слова*, где присутствуют действие, образ и чувство. Это «школа» не знания, а школа смыслов, помогающая сделать правильный выбор. Такой она была в прошлом, такая она сегодня и такой идет в будущее. Отсюда вывод: библиографическое мышление обязательно надо изучать с учетом достижений смежных научных дисциплин, и, в первую очередь, психологии и педагогики.

Библиография выявляет и описывает книжный мир, который проходит через наше сознание. С помощью библиографического мышления воспроизводятся основные содержательные черты книжного мира, характерные для каждого этапа эволюции (описательного, социологического, информационного)². Библиограф не отражает, а реконструирует в свете современного видения его цельность, единство, нарушенное в ходе эволюции, и вмещает их в библиографию. Он должен как психолог чувствовать эпоху, в которой создавались библиографические труды, и не уступать знаниям историка в реконструкции и обобщении полученных сведений. Библиографию можно определить как универсальное знание, вырастающее из текстов, как службу общения культур. В этой сфере библиограф не собеседник прошлой культуры, а путеводитель при ней, находящий тексты, не к нему обращенные.

Сделаем небольшой экскурс в недалекое прошлое. За последние 20–30 лет в мире библиографии произошли изменения, которые потребовали пересмотра ранее сложившихся представлений о роли и месте библиографии в жизни общества, а также о формах и методах библиографического обслужи-

---

² *Леонов В.П.* Эволюционный синтез библиографии // Библиография. 2011. № 1. С. 20–29.

живания. Эти изменения были вызваны двумя взаимосвязанными факторами:

- резким увеличением количества разнообразной информации;
- появлением невиданных ранее информационных технологий, получающих все большее распространение.

Резкое возрастание количества разнообразной информации в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия не было новым явлением. Аналогичная ситуация наблюдалась в мире в конце 40-х – начале 50-х годов. Тогда она была названа «информационным взрывом» (*information explosion*). Его последствия проявились в росте числа научных журналов и статей в них как носителей информации. Число научных журналов удваивалось каждые 10–15 лет. Этот рост проходил по экспоненциальному закону. Его смысл состоит в том, что скорость роста пропорциональна накопленному числу журналов, статей и т.д.³

Особенно большую роль в ускорении роста количества информации в современном мире играет создание новых информационных технологий. Яркими примерами в этом отношении могут служить интернет, мобильный телефон, электронная почта. В результате развития технологий в обществе меняется соотношение между физическим и умственным трудом в пользу последнего. Когда умственный труд становится в обществе доминирующим, оно уже определяется как *информационное общество* (*information society*). Такое общество именуется также постиндустриальным и обществом знания. Сошлемся на его оценку одним из основоположников отечественной информатики Аркадием Ивановичем Черным:

---

³ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968. С. 22–31; Черный А.И. Всероссийский институт научной и технической информации: 50 лет служения науке. М.: ВИНТИ, 2005. С. 274–284.

«Информационное общество – это не более чем очередная века (возможно, одна из последних) в историческом развитии человечества. Информационное общество можно рассматривать как возрастной период человечества, подобный периоду зрелости или старости человека, но явно не его молодости. Вполне определено об этом периоде можно сказать лишь то, что он неизбежен»⁴.

Что же нужно изменить в сложившейся практике библиографического обслуживания в информационном обществе, чтобы справиться с переизбытком информации? Полагаю, что для этого нужно продвигаться в каждом из трех направлений:

- продолжать обогащение традиционных методов и средств сбора, обработки, хранения и поиска информации;
- углублять профессиональную специализацию в работе с библиографическими ресурсами;
- максимально автоматизировать основные процессы интеллектуальной обработки информации.

Во всех трех направлениях и особенно в последнем очень существенным должен быть вклад библиографии, который основан на моделировании соответствующей мыслительной деятельности библиографов и библиотековедов. Это одна из центральных задач, где базовым источником знаний о библиографических процессах у человека и в обществе служит библиографическая практика. Поэтому исследование мыслительных процессов и их моделирование представляется главной целью традиционной библиографии.

Оборотная сторона «мыслительной» части библиографии – наука. Наука о содержании библиографического мышления, о сущем в мышлении – о том, почему и каким образом библиограф может не думать, отдает ли он себе в этом отчет или нет.

---

⁴ Черный А.И. На пороге информационного общества // НТИ-2000: Материалы V Междунар. конф. М., 2000. С. 334.

Вклад библиографии в педагогику, психологию, лингвистику трудно переоценить. Она создает «подводную часть айсберга» под таким названием. Исследователям еще долго придется размышлять о библиографии как о науке неиспользованных возможностей.

Библиограф вынужден постоянно доказывать свою научную значимость. В итоге возникает опасная иллюзия информационного общества – иллюзия, вызванная переизбытком информации: независимость пользователя от библиографа и, как следствие, невостребованность нашей профессии в информационном обществе.

Сегодня слишком мало молодых людей в средних профессиональных и высших учебных заведениях обучаются началам (основам) библиографии и библиографическому поиску. Высокотехнологичных же библиографов и библиографически образованных читателей (пользователей), передающих эстафету от читающей публики к пользователям-профессионалам, становится все меньше и меньше.

Читая с экрана, мы не чувствуем той «интеллектуальной самоотдачи», «страстного вклада познающей личности», (о чем писал М. Полани), которые присутствуют в процессах библиографического мышления⁵. В электронной библиографии преобладает норма полезности. Медиа используются в качестве «читальной машины» и легко отключаются.

Библиографию надо рассматривать как ответную реакцию на переизбыток информации в медиа-среде. В ее арсенале имеются как традиционные, многократно проверенные опытом, виды чтения, методы анализа, синтеза документов, так и те, которые характерны для новых медиа-технологий. В процессе

---

⁵ Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии: пер. с англ. / общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. С. 18–19.

взаимодействия формируется симбиоз – библиография и медиа (технобиблиография).

Итак, вопрос не в том, есть ли будущее у библиографии в информационном обществе, а в том, станет ли изучение единства книжного мира предметом библиографического мышления или сфера мышления ограничится только его бережной «реставрацией»?

Для меня библиограф XXI века мыслится в качестве исследователя, который, тщательно вдумываясь в изучаемое им прошлое и настоящее, одновременно неустанно углубляет свое мышление и совершенствует индивидуальный библиографический словарь. Он настроен на диалог культур, и именно в этом смысле его труд приобретает общественную значимость для современников. Библиограф обязан помнить, что в его руках находятся ключи к потенциальным богатствам информации, накопленной в ходе эволюции книжного мира.

Библиография бессмертна. Но библиографическое мышление – всегда новаторство.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. О континуальном мышлении (читая В.В. Налимова)¹

В.В. Налимов полагает, что и рефлексивное мышление, и инсайты открытий связаны с континуальностью мышления. Рефлексивное мышление – это дискретное управление континуальным потоком мысли. Человек задает себе вопрос – это вопрос континуальному мыслительному процессу, построенный на дискретном языке слов. Полученный ответ анализируется на логическом уровне, и если он оказывается неудовлетворительным, задается следующий вопрос, вновь обращенный к континуальности.

Еще ярче можно увидеть континуальность мышления в открытиях, которые представляют собой неожиданно пришедший в голову ответ на поставленный вопрос. Ж. Адамар, А. Пуанкаре, К.Е. Гаусс, Ф. Гальтон пишут в своих воспоминаниях о том, как оригинальные и ценные идеи пришли

---

¹ *Налимов В.В.*: 1) Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей», МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 287 с.; 2) В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 280 с.; 3) Облик науки. М.: Изд-во МБА, 2010. 367 с.; 4) Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1978. 84 с. См. также об этом: *Золотухина-Аболина Е.В.* В.В. Налимов. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. 128 с.

к каждому из них «внезапно», «как при вспышке молнии», «мгновенно и без малейшего усилия», но непременно – после долгих размышлений над интересующей проблемой. Их пример свидетельствует о том, что творческое озарение связано с выходом за границы логического мышления, однако внезапно явившиеся новые идеи осмысливаются затем на логическом уровне.

Исходные посылки модели автора²

1

Будем считать, что весь воспринимаемый нами эволюционирующий Мир можно рассматривать как множество текстов. Когда мы говорим о биосфере, то текстами оказываются отдельные особи, виды и другие составляющие биосферы. Когда мы говорим о социальной сфере, то текстами называем все серьезные проявления сознания человека, направленные на коммуникацию с другими, или даже с самим собой. Эго человека рассматривается как особый, живой текст, способный самостоятельно изменять, реинтерпретировать самого себя.

2

Тексты характеризуются дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющими, последняя из которых не видима нами непосредственно.

3

Семантика определяется вероятностью, задаваемой структурой смыслов. Смыслы – это то, что делает знаковую систему текстом.

---

² *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей», МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. 287 с. Ниже страницы даются по этому изданию.

4

Изначально все возможные смыслы Мира как-то соотнесены с линейным континуумом Кантора – числовой осью, на которой в порядке возрастания их величин расположены все вещественные числа. Иными словами, смыслы Мира спрессованы так, как спрессованы числа на действительной оси.

5

Спрессованность смыслов – это нераспакованный, непроявленный Мир – семантический вакуум.

6

Распаковывание (появление текстов) осуществляется вероятностной взвешенностью оси μ – разным ее участкам приписывается разная мера. Метрика шкалы μ предполагается изначально заданной и остающейся неизменной.

7

Соответственно, семантика каждого конкретного текста задается своей функцией распределения (плотностью вероятности) – $p(\mu)$ ... В общем случае можно говорить о текстах, определяемых функцией распределения вероятности, задаваемой на многомерном пространстве.

В тексте смыслы всегда оказываются заданными избирательно. Нам не дано знать все. Напомним английскую поговорку: «Знать все – значит не знать ничего».

Функция $p(\mu)$ оказывается тем окном, через которое мы можем всматриваться в семантический мир (С. 106–108).

Понимание текстов

Понимание текстов, так же как и понимание отдельных слов в тексте – это всегда творческий процесс.

Текст – любой текст – должен быть приближен к человеку, иначе он будет отторгнут, может даже вызвать агрессию. Приближение текста к себе всегда достигается порождением соответствующих фильмов. Понимание – это всегда перепонимание

того, что уже ранее как-то было понятно – распаковано на семантическом континууме. Понимание – это не только гносеологический, но и онтологический процесс: вновь обретенные смыслы создают новые условия бытия.

<...>

Теория понимания, естественно, должна включать в себя и теорию непонимания. Непонимание – это не есть неверное понимание, ибо понимание не может быть верным или неверным. Оно просто должно иметь место. Понимание – это приближение понимаемого текста к самому себе путем порождения фильтра понимания, приближающего чужой текст, чужую смысловую ориентацию к своей собственной. Понимание – это способность найти в чужом тексте свое, или, может быть серьезнее, – найти самого себя новым в чужом. <...> Непонимание – это неспособность приблизить к себе чужой текст.

Непонимание может быть вызвано какими-то особенностями подлежащего пониманию текста – не только его содержанием, но и формой изложения, стилем или нарочито бросаемым вызовом <...>

Между текстом и возможностью его понимания часто стоит сама культура, обычно яростно защищающая свою смысловую целостность. И тогда понимание оборачивается в бунт против парадигмы культуры. В науковедении введен термин негативная наука. Этим термином обозначается нередко наблюдаемый в науке процесс самоторможения, обусловленный непониманием нового крупными учеными (С. 129–130).

Творчество – это распаковывание того, что оставалось еще не проявленным на семантическом континууме, скрытым за малым вероятностным весом. Новые смыслы обретают большую вероятностную меру, прежние меркнут. Это всегда – забегание вперед, вызов, часто – бунт. Это всегда – спонтанное озарение, и потому здесь все непонятно для постороннего наблюдателя. <...> Вспомним <...> знаменитого французского математика Э. Галуа, погибшего на дуэли в двадцатилетнем возрасте. В ночь перед дуэлью он проверял свою рукопись, отклоненную Академией наук,

и написал письмо другу с кратким изложением своих идей. Он не был понят тогда, потому что отвечал на не поставленный еще вопрос³.

<...> личность – это прежде всего интерпретирующий себя самого текст. Этот текст еще и способен к самообогащению, к тому, чтобы стать многомерным. Этот текст способен к агрегированию себя в единое с другими текстами. Этот текст нетривиально связан со своим носителем – телом, а в случае гиперличности – со многими телами. Так личность выступает перед нами в своей многогранности и ускользает от нас за этими гранями. Мы не можем сами схватить себя в своей целостности и готовы опять, но теперь уже с других, более широких позиций, говорить об иллюзорности личности. Она иллюзорна не только так, как иллюзорен всякий поддающийся множеству интерпретаций текст. Она более иллюзорна, чем всякий текст, так как это есть самочитаемый текст – текст, способный самоизменять себя. Эта способность быть иллюзорной и есть та самая главная, не схватываемая нами, особенность личности. В этом, как нам кажется, прежде всего ее сущность.

Иллюзорность личности – в ее спонтанности. Личность – это спонтанность. Спонтанность – это открытость вселенской потенциальности. Способность попадать в резонанс с ней (С. 203–207).

---

³ Добавлю от себя (В.Л.): библиография содержит ответы на не поставленные еще вопросы. Это свойство заложено в ее природе (внести порядок в книжный мир). В библиографии необходимо «забегание вперед», вызов. Вот почему так необходимо изучать процессы библиографического мышления.

2. О библиографических способностях и мышлении Конрада Гесснера (читая «*Bibliotheca Universalis*»)¹

Первое, что выступает из анализа процесса формирования библиографических способностей Конрада Гесснера – это активное чтение и изучение иностранных языков, идущее непрерывно с раннего детства. Благодаря чтению вся его последующая жизнь представляет собой творческую лабораторию по отбору, изучению и характеристике анализируемых текстов. Уже на подступах к юности у Гесснера были налицо все признаки библиографической подготовки, развившиеся с его поселением в Страсбурге и Париже.

...моими наставниками, пока я ребенком и юношей жил в своем родном городе, были Освальд Миконий², Теодор Библиандр³, Петр

¹ В «*Bibliotheca Universalis*» (р. 179об. – 183) Конрад Гесснер приводит написанную им Автобиографию и автобиблиографию. Ее перевод с латинского языка на русский и комментарии выполнены младшим научным сотрудником Отдела рукописей Библиотека РАН, кандидатом исторических наук Н.А. Бережной, которой выражаю искреннюю признательность за проделанную работу. См.: *Леонов В.П.* Очерк эволюции поэтики библиографии. СПб.: Изд-во «Европ. дом», 2017. С. 118–141. В данном приложении «Автобиография и автобиблиография» К. Гесснера цитируется по этому изданию.

² Освальд Миконий (1488–1553) – швейцарский реформатор, преподавал в Цюрихе, с 1532 г. духовный лидер Базеля.

³ Теодор Библиандр (1509–1564) – швейцарский теолог, сторонник Цвингли, лингвист. Учился в Цюрихе у Микония, в 1525–1527 гг. его ассистент.

Дасиподий⁴, Иоганн Якоб Аммиан⁵ – учителя нашей гимназии, а также Рудольф Коллин⁶. Эти доктора в юности передали мне порядочное знание обоих языков [латыни и греческого. – *Н.Б.*], в особенности учнейший Аммиан, который с редкостной простотой приютил наш курс у себя дома и учил бесплатно. Затем, после смерти отца, неустанными трудами которого мы держались на плаву, осиротело пристанище многих его детей. Сам я, испытав многодневный приступ водянки, едва смог поправить свое здоровье. Поскольку на родине я не мог найти меценатов для своих занятий, мне пришлось отправиться в Страсбург, где в течение нескольких месяцев я не без пользы для себя служил писарем у Вольфганга Капитона⁷, блаженной памяти славного мужа. Вернувшись домой и получив небольшую приходскую стипендию, я вместе с Иоганном Фризием⁸, который был мне как брат, отправился в Галлию, дабы целый год преподавать в Бурже (ибо стипендия моя не давала мне достаточно средств, чтобы свободно заниматься науками). И вот там, уча других, я, мнится, и сам познал многое, ибо практически не было дня, в который бы я не был занят чтением латинских или греческих авторов. На следующий год я прибыл в Париж, чтобы усердно заниматься там словесными науками. Вдохновляла меня

---

⁴ Петр Дасиподий (ок. 1490–1559) – швейцарский гуманист, составитель латинско-немецкого словаря. В 1527–1531 гг. преподавал древние языки в Цюрихе.

⁵ Иоганн Якоб Амман (Аммиан) (1500–1573) – швейцарский филолог, с 1526 г. преподавал в Цюрихе риторiku и диалектику.

⁶ Рудольф Коллин (1499–1578) – швейцарский филолог, с 1526 г. преподавал древнегреческий язык в Цюрихе. В 1529 г. сопровождал Цвингли на Марбургский диспут.

⁷ Вольфганг Фабриций Капитон (1478–1541) – немецкий реформатор, теолог, соратник Мартина Буцера. С 1523 г. – проповедник в Страсбурге.

⁸ Иоганн Фриз, или Фризий (1505–1565), швейцарский цвинглианский теолог и филолог. В 1533–1536 гг. учился в Париже и Бурже, с 1537 г. преподавал латинский язык в Цюрихе. Автор нескольких латинско-немецких словарей.

известность города и прославленность Академии. <...> Я читал без разбора любых авторов: греков и латинян, историков и поэтов, медиков и филологов, а иногда даже диалектиков и риторов. Брался я за многое, но редко прочитывал книгу целиком, так что по причине постоянного чередования и разнообразия текстов, я лишь прикасался к их гению – а это и по сей день является для многих препятствием для продвижения в науке. <...> После возвращения из Галлии в Страсбург я был призван на родину, где вскоре поспешно обвенчан с моей супругой⁹. Найдя себе пристанище в публичной школе, я провел здесь довольно много счастливых дней, обучая детей основам грамматики. Содержание мое было минимальным, и я бы голодал, если бы тогда не воссиял мне некий луч надежды. Так, проводя долгие часы над книгами по медицине, я изучил по ним, как мог, симптомы болезней, а затем отправился в Базель, чтобы добиться дальнейших успехов [в этом деле. – *Н.Б.*]. Выплата стипендии прекратилась со смертью наших церковных покровителей. А поскольку одни занятия медициной не могли обеспечить мне свободу для изучения наук, я начал составлять расширенный греческо-латинский словарь, пользуясь лексиконом Фаворина Камерса¹⁰, наиболее полным среди греческих словарей. Я старался, чтобы в последнем не осталось ничего, что я не использовал бы [в своем словаре. – *Н.Б.*], с исключительной добросовестностью и старанием, однако издатель внес лишь небольшую часть моих добавлений, о чем я не знал до тех пор, пока почти весь тираж не разошелся в 1537 году от Р. Х. (с. 120–124).

В Женеве для Конрада Гесснера наступает первая пора проверки имеющегося библиографического опыта и его закрепле-

---

⁹ Барбара Зингизен, о которой почти ничего не известно. Брак был бездетным.

¹⁰ Гварин (Варино) Фаворин Камерс (1445/1450–1537), итальянский гуманист, библиотекарь семейства Медичи, епископ Ночеры в провинции Умбрия с 1514 г. Его греческий словарь был впервые издан в Риме в 1523 г. и переиздан в Базеле в 1538 г. Имя отражает место происхождения – замок Пьевефавела близ города Камерино.

ния в памяти в форме устного словаря. Занятия у учителей носят характер постоянной проверки знаний, причем Гесснер не учился следовать какому-либо одному подходу к анализу. Он изучал разный опыт и тем самым обогащал себя.

Уже год я провел в Базеле, как вдруг мне представилась возможность преподавать греческий язык в Лозанне, на берегу Женевского озера, когда славный сенат города Берна великодушно предоставил мне стипендию. <...> Пробыв там недолго, я стал несколько более сведущ в анатомии и истории происхождения растений, а затем вернулся в Германию. Удостоившись звания медика в Базеле, я возвратился на родину, где ныне по мере сил преподаю юношам философию (с. 125–126).

По окончании обучения настало время использовать приобретенные знания на практике. Свои сочинения Гесснер исправлял, дополнял, комментировал. Библиографическое мышление и библиография вырабатывали в нем чуткость к описанию и тонкость к пониманию сочинений авторов на разных языках. Со временем эти аспекты библиографической деятельности будут органично направлены на понимание библиографии как смысла профессиональной деятельности.

Итак, напомним вкратце то, что было мною написано. <...> Когда я вернулся сюда из Лозанны, я составил руководство по истории растений, взяв описания Диоскорида¹¹ в переводе Жана Рюэля¹²,

---

¹¹ Педаний Диоскорид (ок. 40–ок. 90) – древнегреческий врач, ботаник, автор собрания медицинских рецептов «О лекарственных веществах», одного из наиболее полных источников по фармакологии раннего нового времени.

¹² Жан Рюэль (1474/1479–1537) – французский гуманист, врач и ботаник. Его перевод Диоскорида в XVI в. выдержал около десятка переизданий (в том числе в Париже в 1516 г. и в Базеле в 1539 г.). В 1536 г. была издана его книга «О природе растений».

кое-что из Теофраста¹³, Плиния¹⁴ и позднейших греческих авторов, а некоторые заметки, наспех набросанные, из Павла Эгинского¹⁵. <...> Затем, в том же году, карманное «Руководство», в 160, вышло в Венеции, в типографии Мельхиора Сессама. <...> Так же я составил справочник и других простейших лечебных средств, упомянутых в трудах древних прославленных медиков, главным образом, у того же Диоскорида, но также и у прочих. <...>

Тогда же, из трудов Диоскорида и, главным образом, Масавая¹⁶ я составил справочный аппарат и алфавитный указатель простейших медикаментов, книгу, которая будет весьма полезна в деле фармакопеи. <...> В этом же томе будут содержаться «Универсальные наставления» Павла Эгинского о составлении лекарств по характеру заболеваний и его же комментарии к книгам Галена, касающиеся смешения медикаментов «по чину» (греч.) <...> Книга моя вышла в Лионе, в типографии братьев Фрелонни, в 1542 г., 80, на 18,5 бумажных листах, и в Венеции, у братьев Николини, в 160.

Еще будучи в Лозанне, изучая книги Галена о смешении лекарств в зависимости от характера болезни, я от начала до конца собрал по ним все то, что впоследствии изъял [из своего труда. —

---

¹³ Теофраст из г. Эрес на Лесбосе (ок. 369–288/285 до н.э.) – древнегреческий философ и ботаник, автор сочинений «История растений» и «О причинах растений», неоднократно переиздававшихся в XVI в.

¹⁴ Гай Плиний Секунд Старший (22/24–79) – римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории», авторитетного источника, прежде всего, медицинских знаний – с античности до Возрождения.

¹⁵ Павел Эгинский (607–690) – византийский врач, акушер, автор «Сочинения о медицине» в 7 книгах. В средние века его труд пользовался огромным авторитетом в арабском мире, и до Европы дошел во многом благодаря арабским переписчикам. Впервые издан в Венеции в 1528 г.

¹⁶ Юханн ибн Масавай (777–857) – фармацевт из Багдада. Его сочинение «О медицине» и сохранившиеся отрывки других произведений неоднократно печатались в раннее Новое время.

Н.Б.], т.е. все частное и избыточное. И когда затем я издавал свой труд в Цюрихе, я добавил туда извлечения из его книг – все то, что «Краткое руководство» предписывает знать о разновидностях мочи, диагностике и различных случаях заболеваний <...>

В таком виде книга вышла в Базеле, в 1540 г., 80, на 5,5 листах, одновременно с «Руководством» по составлению медикаментов (с. 126–131).

Размышляя о новых сочинениях, Гесснер тем самым создавал и поднимал библиографический язык на новый уровень библиографии. Соприкосновение с литературой того времени обогащало его опыт. Услышать и почувствовать новое в себе мало, надо в предлагаемом варианте убедить других – вот путь развития техники библиографа! Техника не рождает библиографа, а им же порождается. Перевод авторского текста на библиографический язык – это лаборатория библиографии, в которой он формируется из множества впитанных им фрагментов других текстов. Через глубину ощущения Гесснером библиографической культуры можно различить гармоничский образ библиографа XVI века. В его эпоху превалировал не только поиск новых методов описания, но и углубление и осмысление имеющегося материала.

Задумал я тогда же составить каталог растений, произрастающих в латинском, греческом, немецком и галльском регионах, в порядке следования их латинских наименований, и параллельно их перечень на национальных языках, т.е. самую полную из полных на сегодня книг в жанре гербария, которая охватывала бы четыре упомянутых языка. Этот каталог содержит в кратком виде не только все разнообразные названия растений, описанных до нас другими, но также в еще большем количестве и те, которые кто-либо когда-либо упомянул письменно, а мы впервые имели случай увидеть. Большинство из таковых, как французских, так и иных, мне предоставил труд Жана Рюэля по истории растений; некоторые немецкие слова я позаимствовал из изящнейше-

го гербария Леонарда Фукса¹⁷, довольно много – из немецкого труда о растениях Иеронима Трага¹⁸, без сомнения, учнейшего мужа. Иногда, впрочем, для французских и немецких народных названий растений, взятых из их трудов, я устанавливал иные латинские и греческие соответствия, нежели сами авторы. В конце списка добавлены также приписываемые Диоскориду названия растений по их родам, расположенные в порядке алфавита. Вышла книга в Цюрихе, в 1542 г., в 40, на 41,5 бумажных листах.

Книги, которые я составил на родине, в Цюрихе, а затем перепечатал в различных местах; все они были задуманы мною в Лозанне (с. 131–132).

Наступила пора зрелости библиографического мышления К. Гесснера. Он в совершенстве владеет методами анализа текста. Зададимся вопросом: можно ли представить, что Гесснер олицетворяет всю созданную им библиографию в виде индивидуального библиографического словаря? Думаю, да. Ведь он мыслил библиографией всегда, но сочинял внутренне, с опорой на интуицию. Уже не предшествующий опыт предлагает ему выбор библиографического языка, а сознание и интуиция диктуют новые подходы. Гесснер мыслит и разговаривает оригинальным библиографическим языком. Детали будут потом...¹⁹

---

¹⁷ Леонард Фукс (1501–1566) – немецкий врач и ботаник, с 1533 г. профессор медицины Тюбингенского университета, автор сочинения «Достопамятные комментарии к описанию растений» («Описание растений»), изданного в Базеле в 1542 г. на латинском языке, а в 1543 г. – на немецком, под названием «Новый травник».

¹⁸ Иероним Бок, лат. Трагус (Траг) (1498–1554) – немецкий ботаник, врач, лютеранский проповедник. Автор «Нового травника», изданного в 1539 г. в Страсбурге на немецком языке, а в 1552 г. на латыни, с предисловием Конрада Гесснера.

¹⁹ См. также об этом: *Леонов В.П.* Конрад Гесснер – отец западноевропейской библиографии: (к 500-летию автора «*Bibliotheca Universalis*») // Библиосфера. 2017. № 3. С. 3–7; *Сергеев М.Л.* Библио-

Словарь Амвросия Калепина²⁰, который в сентябре нынешнего 1544 г., при издании его в базельской типографии Леонарда Хоспиниана, мы во многих местах исправили. Из последовавшего за этим венецианского издания, вышедшего под маркой Сирениса и славящегося тем, что он увеличен на четыре тысячи слов, взятых из достовернейших источников, мы все перенесли в наш экземпляр. И снабдили новыми замечаниями о просодии, т.е. количестве слогов, составив этот труд по статьям, в порядке следования букв алфавита. Кроме того, имена собственные, из которых и состоит большая часть прибавлений венецианского издания, частично нашими стараниями, а частично с помощью друзей, приведены были отдельно от латинского словника в особом списке; он дополнен всеми теми именами, которые содержатся в новейших поэтических словарях. Ибо и венецианцы многие из своих дополнений взяли именно оттуда. Тот, кто захочет лучше понять, насколько наше издание превосходит все прочее, пусть прочтет предисловие к нашему словарю.

К греческо-латинскому словарю, вышедшему годом раньше в Базеле, мы составили предисловие о пользе и достоинстве греческого языка.

В настоящее время я весь отдаюсь заботе об окончании сего труда, который, с Божьей помощью, счастливо подвожу к концу. А сразу после этого мы представим студентам всеобщую историю животных всякого рода в одном объемном томе, с номенклатурой названий для каждого класса, с рисунками, сделанными с натуры, изображающими четвероногих, птиц, рыб и насекомых. Большая часть этого труда уже давно сделана, благодаря нашим

графические интересы Конрада Гесснера (1516–1565): к 500-летнему юбилею цюрихского полигистора // Библиография. 2017. № 1. С. 12–22.

²⁰ Амвросий Калепин (1435/1440–1509/1510) – итальянский лексикограф эпохи Возрождения, автор латинско-греческого словаря, который в течение XVI в. не раз пополнялся статьями на европейских языках: итальянском, французском, немецком, фламандском и т.д. (в базельском издании 1590 г. – 11 языков).

собственным наблюдениям, а также наблюдениям наших друзей и образованных людей из многих стран, где мы путешествовали. Но я решил, что выпущу его в свет не прежде, чем, с помощью Всевышнего, доберусь до Немецкого моря²¹, где многое еще надо уточнить. Если тому поспособствует некий благородный Ментор, под чьим покровительством дело будет процветать, то тем лучше получится «История», а ежели нет (ибо нынешние богачи скупы и живут только для себя, а не на пользу добрым наукам), то, хоть я и не богат, я все равно не прекращу мужественно совершенствовать столь достохвальный труд, украшать его хорошим слогом, насколько мне позволит мой талант и усердие, и дополнять его содержание, пока дух мой владеет всеми этими искусствами. Я собрал бесчисленное количество рисунков различных животных, в их естественном цвете, и большая их часть уже переведена на деревянные резные доски. Исправляя книги Оппиана, чтобы издать те из них, которые посвящены охоте, я случайно стал обладателем [созданного. – *Н.Б.*] в Италии греческого пересказа его поэмы о ловле птиц. И еще многое другое известно здесь, в Германии, лишь единицам. Но это до поры до времени.

Из Италии мы получили все греческие книги Евсевия о приготовлении к Евангелию, каковое сочинение некогда перешло к латинянам в переводе Георгия Трапезундского²² со многими ошибками.

Также мы получили два греческих кодекса катен²³, собранных от различных богословов и упорядоченных знающими людьми: один составлен монахом Антонием, и называется «Мелисса», что

---

²¹ Северное море.

²² Георгий Трапезундский (1395–1484) – греческий философ и ученый, около 1430 г. переехал в Венецию, где преподавал греческий язык. Его переводы древнегреческих авторов подвергались жесткой критике деятелей Возрождения (в частности, Лоренцо Валлы) за многочисленные ошибки. Сочинение Евсевия Кессарийского «Приготовление к Евангелию» впервые вышло в переводе Георгия Трапезундского в Кёльне в типографии Ульриха Целла в 1473 г.

²³ Комментариев к Библии.

значит пчела, а другой собран, если я не ошибаюсь, неким Максимом. Все это мы постараемся как можно скорее предоставить в распоряжение учащихся (с. 139–141).

Его собственные слова из предисловия к «Catalogus plantarum» (1542 г.) воссоздают сегодня образ К. Гесснера: *«Это есть суть бесконечно ищущего духа, который стремится проникать все дальше и дальше, и в своей внутренней деятельности намного превосходит свой внешний вид в слове и в написании»*²⁴.

---

²⁴ Цит. по: *Fischer H.* Conrad Gessner (1516–1565) as bibliographer and encyclopedist // *The Library: Transactions of the Bibliographical society.* 5th series. 1966. Vol. XXI, № 4 (Dec.). P. 269. См. также об этом: *Сергеев М.Л.* Библиографические интересы Конрада Гесснера (1516–1565): к 500-летию юбилею цюрихского полигистора // *Библиография.* 2017. № 1. С. 12–22.

3. О доминанте и интуиции совести (читая А.А. Ухтомского)

Доминанта (от лат. *dominare* – господствовать) в физиологии временно господствующий рефлекс, который трансформируется и направляется для данного времени, при прочих равных условиях, работа прочих рефлекторных дуг и рефлекторного аппарата в целом (с. 299)¹ <...>

...процесс, постепенно вовлекающий в свою орбиту новые области и органы, поскольку он является «организатором», предопределяющим ансамблем в пространстве и времени и является **доминантою** (с. 623) <...>

Доминантою обобщаются психологические понятия установки и внимания (с. 643) <...>

Доминанта – утвердившаяся аксиома опыта. Она кажется убедительной своему носителю, как сама наглядность (с. 696) <...>

Что такое доминанта? Связный в себе тип мышления, в котором ход дальнейших выводов, и даже интуиции, предопределен. Все равно, будет ли это особый «метод» или «предрассудок», или «предубеждение», – дело в некоем руководящем стержне, который, будучи дан, влечет за собою прочее, как плоды (с. 643) <...>

Доминанта и заключается в выделении **важного, существенного** для данного момента с торможением всего, что для данного момента индифферентно, но могло бы помешать главенствующей реакции момента.

Доминанта в этом смысле есть **условие удачи реакции**, т.е. заключает уже в себе элемент проектирования и предвосхищения этой реальности, с которой предстоит контактно встретиться (с. 641).

---

¹ Ухтомский А.А. Статьи и выступления разных лет. Заметки на полях / сост., вступ. ст. Л.В. Соколова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2015. 736 с. Ниже страницы даются по этому изданию.

Согласно принципу доминанты мы видим во встречном человеке преимущественно то, что по поводу встречи с ним поднимается в нас, но не то, что он есть. А то, как мы толкуем себе встречного человека (на свой аршин), предопределяет наше поведение в отношении его, а значит, и его поведение в отношении нас. Иными словами, мы всегда имеем во встречном человеке более или менее заслуженного собеседника. Встреча с человеком вскрывает и делает явным то, что до этого таилось в нас; и получается самый подлинный, самый реальный, объективно закрепляющийся суд над тем, чем мы втайне жили и что собой втайне представляли. Вот так принцип доминанты в социальном аспекте превращается в закон заслуженного собеседника (с. 696) <...>

Опять-таки доминанта – как формообразователь интегрального образа. **Отсутствие доминанты в себе влечет неспособность организовать опыт с различием главного и частей, а стало быть, и неспособность усмотреть в опыте организованное единство. Это и есть закон заслуженного Собеседника.** Но анализ и дифференцировка совершенно немислимы без одновременного синтеза. Синтеза и интегрирования. Доминанта интегрирует и тем самым ведет к анализу и дифференцировке (с. 714) <...>

Человек ухватывает <...> преуказания истории вернейшим образом не логикою и логическим процессом, но тем интуитивным аппаратом, который мы называем наблюдательностью, чуткостью, проницательностью, совестью. Этот аппарат предшествует логике; даже абстрактно можно сказать лишь то, что показания его тем вернее, чем адекватнее передает он фактические закономерности Бытия, т.е. чем непосредственнее участвует он в самом учении Бытия... <...>

Интуиция – раньше, принципиальнее и первоосновнее, чем буква (с. 454) <...>

Главнейшим физиологическим органом познания – предвидения является совесть. Это тот конкретнейший аппарат цельного знания, который руководит нами обыденно – и в мелочах, и в крупном. Но совесть, как и всякий другой показатель и отметчик

реальности, с ее законами может быть более или менее надежным слугою, более или менее субъективной или объективной, более или менее здоровой или заболевшей! Она ведь может быть совершенно спокойной, удовлетворенной и ни о каких бедах не предупреждающей, в то время как человек или целое общество давно охвачены преступлением! Это тогда, когда преступление стало привычным! (с. 455). <...>

Если бы потребовалось сказать одним словом из числа общеупотребительных, какой орган в нашей человеческой организации является наиболее дальновидным «рецептором на расстоянии», наиболее глубоким зрителем будущего, надо было бы назвать

совесть («со-весть»).

Таинственный, судящий голос внутри нас, собирающий в себе все источники и порядки ведения, все унаследованные впечатления от жизни рода, и предупреждающий особыми волнениями и эмоциями высшего порядка о должных последствиях того, что сейчас делается перед нами (с. 458). <...>

Эстетика и этика – дисциплины практические и одновременно руководящие именно потому, что практические. Они дают впервые реальный импульс самым теоретическим исканиям науки! (с. 458) <...>

Истина содержательная постигается лишь в истории: в истории каждой отдельной системы и в истории Бытия в целом. Это значит, что лишь в непрерывном и ответственнойшем, живом участии в живой реке предания от отцов к детям дается нам истинное. Что участие в истории требует от нас не абстрактных фантомов, но нас целиком, с нашей деятельностью и волеием, видно уже из того, что попытка каждого высказывания о прошлом истории тотчас становится историей же, прибавлением нового исторического факта к прежним со всею роковой неизменностью того, что однажды прошло (с. 457–458).

Именной указатель

- Адамар Ж. 95
Акимов С.С. 52
Аксенова Н.С. 29
Амман И.Я. 101
Анастасевич В.Г. 70
Андреева Н.Ф. 81
Анохин П.К. 22
Антоний 108
Арановский М.Г. 8, 27, 29, 40,
Аршинов В.И. 93
Асафьев Б.В. (Глебов И.) 8, 31,
45, 46
Асмус В.Ф. 21, 22
Ахматова А.А. 15
- Бантыш-Каменский Н.Н.** 70
Бекжанова Н.В. 37
Бережная Н.А. 100–102, 105, 108
Берков П.Н. 33, 34, 37
Беспалова Э.К. 65
Бестермен Т. 63
Библиандр Т. 100
Блок А.А. 46
Богданов А.И. 69
Бок (Траг) И. 106
Бокачев Н.Ф. 80
Бонфельд М.Ш. 8, 27
Брискман М.А. 34, 36
Бронштейн М.П. 34
Бухштаб Б.Я. 37
Буцер М. 101
- Быкова Т.А. 74
Бэкхерст Д. 10
- Валла Л.** 108
Венгеров С.А. 32, 70, 72
Венецианов А.Г. 77
Вильсон (Уилсон Х.У.) 61
Витгенштейн Л. 33
Волкова Н.А. 39
Вольтер Ф.М. 59
Востоков А.Х. 69
Выготский Л.С. 17, 18
- Гадамер Г. 12
Гален 104
Галуа Э. 98
Гальтон Ф. 95
Гаусс К.Е. 95
Гварин (Варино) Фаворин
(Камерс) 102
Геннади Г.Н. 70, 72, 80
Георгий Трапезундский 108
Герасимова Л.М. 34, 38
Гесснер К. 31, 32, 55, 100, 102,
103, 105, 106, 109
Гиляревский Р.С. 91
Глинка М.И. 31
Гордеева Н.Д. 43
Гречихин А.А. 34
Гудимова С.А. 61
Гудкова И.Н. 87

- Гудовщикова И.В. 57, 58, 62, 64
Гуревич А.Я. 17
Гуревич М.М. 74
Гутенберг И. 21
- Дамаскин (Семенов-Руднев Д.Е.) 70
Данте А. 13
Дасиподий П. 101
Дебюр Г.Ф. Младший 61
Диоскорид П. 103, 104, 106
Достоевский Ф.М. 9
Дрогалина Ж.А. 24
- Евсевий Кессарийский 108
Екатерина Вторая 21
- Жабко** Е.Д. 34, 39
Жукова Г.К. 8, 27
- Здобнов** Н.В. 32, 34, 58, 66, 69–71
Зингизен Б. 102
Зинченко В.П. 41, 43, 47–49
Золотухина-Аболина Е.В. 95
Зотов Н. 67
Зубов Ю.С. 22, 23
- Иван Грозный** 21
Иениш Е.В. 34, 37, 81
Ильенков Э.В. 9
- Кабалоева** Л.Б. 53
Калепин А. 107
Калишевский А.И. 57
Каллимах Киренский 20, 32
- Кандель** Б.Л. 81
Капитон В.Ф. 101
Кауфман И.М. 83
Кеппен П.И. 70
Керар Ж. 59
Киприанов В.А. 68
Кирпичева И.К. 37, 81
Коготков Д.Я. 37
Колесов В.В. 54
Коллин Р. 101
Кольцова В.А. 53
Конрад Н.И. 61
Крейденко В.С. 87
Куфаев М.Н. 57
- Лахути** Д.Г. 10
Левин Г.Л. 78, 80
Лекторский В.А. 93
Леликова Н.К. 66, 78, 80, 83
Леонов В.П. 7, 11, 23, 31, 55, 61, 66, 68, 90, 99, 100, 106
Леонтьев А.Н. 18
Лепехин М.П. 66
Лисовский Н.М. 70, 80
Лиховид Т.Ф. 78
Ломоносов М.В. 51
Лонгинов М.М. 70
Лютова К.В. 57, 58
- Малеин** А.И. 57
Мальклес Л.-Н. 63, 64
Мамонтов М.А. 83
Мандельштам О.Э. 12, 13, 35, 43, 89
Масавай Ю. ибн 104
Масанов Ю.И. 82

- Маслова А.Н. 78
Машкова М.В. 32, 74, 81
Меженко Ю.А. 81
Межев В.И. 32, 70, 71
Миконий О. 100
Михайлов А.В. 8
Михайлов А.И. 91
Михеева Г.В. 35, 82
Модзалевский Б. 38
Моргенштерн И.Г. 34, 35, 37
Мусоргский М.П. 8
Мыльников А.С. 65
- Налимов В.В.** 24, 95, 96
Неустроев А.Н. 70
Нещерет М.Ю. 34
Никольский Н.К. 66
Ниткина Н.В. 82, 83
Новиков Н.И. 70, 71
- Обухова Л.Ф.** 18
Опиан 108
Орлова Е.М. 8
- Павел Эгинский** 104
Пеньо Г. 63
Петр Первый 21, 38, 65, 67–69,
74, 75
Петцхольдт Ю. 63
Плиний Старший Г.С. 104
Полани М. 93
Пономарев Я.А. 19
Поппер К. 29
Пуанкаре А. 95
- Рассел Б.** 10, 33
- Розова Н.М. 34, 38
Рубакин Н.А. 32
Рубинштейн С.Л. 30, 31
Румянцев Н.П. 69
Руссо Ж.-Ж. 59
Рюэль Ж. 103, 105
- Савич Л.Е.** 87
Сагнаева У.Л. 52
Садова М.А. 34, 36
Сафиуллина З.А. 23
Сахаров И.П. 69
Свиридов Г.В. 8
Семеновкер Б.А. 74
Сергеев М.Л. 106, 109
Сеченов И.М. 20
Сидоренко Н.А. 39
Симон К.Р. 32, 55, 57–64
Сляднева Н.А. 34
Смирнов Н.М. 80
Соколинский Е.К. 76, 77
Соколов А.В. 34, 37
Соколов Л.В. 110
Сокурова М.В. 81
Сопиков В.С. 32, 70, 71
Степанова Г.С. 52
Строев П.М. 69
- Тейлор А.** 62
Теофраст 104
Терехов П.П. 87
Титова З.Д. 82
Толстой Л.Н. 5
Томсинов В.А. 38, 39
Тоффлер Э. 52
Тургенев И.С. 9

- Тынянов Ю.Н. 51
- Ульянинский Д.В. 80
Ульянинский Н.Ю. 33
Ундольский В.М. 69
Уткин Б.Т. 34, 37
Уфимцева Н.В. 53
Ухтомский А.А. 40, 41, 48, 49,
110
- Ф**инн В.К. 33
Фомин А.Г. 34
Фотий 32
Фриз И. 101
Фукс Л. 106
Фундаминский М.И. 82
- Х**востов К.В. 33
Хёйзинга Й. 17
Хейнзиус В. 60
Хоспиниан Л. 107
- Ц**вингли У. 100, 101
- Ч**ерный А.И. 91, 92
- Ш**амурин Е.И. 34
Шебунин А.Н. 38
Шнейдер Г. 63
- Щ**едрина Т.Г. 41
- Эренбург И.Г. 8
Эткинд Е.Г. 46
- Ю**лов В.Ф. 10
- Я**новский А.Е. 80
Ярослав Мудрый 20
- B**esterman Th. 63
- D**ashkova E.R. 38
- F**ischer H. 109
- G**essner C. 109
- H**einsius J.W.I. 60
- M**alclès L.-N. 63
- P**eignot G. 63
Petzholdt Ju. 63
- Q**uérard J.M. 59
- S**chneider G. 63
- T**ishkin G.A. 38

Валерий Павлович
ЛЕОНОВ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

*На пути к единству
книжного мира*

Оригинал-макет *Л.К. Соколова*

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 7,5
Тираж 120 экз. Заказ № 108

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, д. 1